

Социальный кризис и будущее левых сил

Стенографический отчет

9-10 июля в подмосковном поселке Дубровский состоялась конференция «Социальный кризис и будущее левых сил», организованная **Институтом глобализации и социальных движений (ИГСО)** при поддержке **Фонда Розы Люксембург**.

Конференцию открыл **Борис Кагарлицкий** (директор ИГСО, Москва), поблагодарив Фонд Розы Люксембург за помощь, без которой было бы невозможно её проведение. Определяя цели конференции, Кагарлицкий подчеркнул, что среди ее участников – эксперты, активисты левых политических организаций, представители социальных движений. Необходимо обсудить возможности и методы взаимодействия и наладить отношения, добиться взаимопонимания между представителями трех перечисленных сообществ в совместной работе, которая должна привести к формированию новой общественной повестки дня. Задача в том, чтобы определить тот спектр, в котором сейчас консолидируются общественные силы, противостоящие неолиберальному наступлению на социальные права, которое наметилось в связи с принятием закона ФЗ-83, в связи с предстоящим принятием нового Закона об образова-

нии, в связи с предложением нового Федерального государственного образовательного стандарта и т.п.

С одной стороны, задача конференции – собрать левых активистов, тех, которые сознательно и постоянно участвуют в левом движении (Борис Кагарлицкий подчеркнул, что речь идет о реально работающих левых активистах, а не тех, кто формально признает левый характер своих взглядов, но вспоминает о своей «левизне» преимущественно перед сном, никак не проявляя это в своей повседневной деятельности). С другой стороны, организаторы ставили перед собой задачу включить в работу людей, которые связаны с социальными движениями, акциями социального протеста, и которые находят сегодня все больше точек соприкосновения. Б. Кагарлицкий также подчеркнул, что для левого движения принципиально стоит вопрос о том, насколько активно, конструктивно и стратегически оно может взаимодействовать с социальными движениями широкого профиля. Этот вопрос особенно отчетливо обозначился в последнее время. И, наконец, организаторы конференции сочли необходимым собрать экспертов, тот интеллектуальный актив, который все четче на

левом фланге сейчас обозначается, причем он обозначается все более резко в последнее время, тут нужно сказать спасибо господину Фурсенко с его реформами и попытками разгромить образование, которые заставили многих людей «выйти из окопов». Часто эксперты, ранее занимавшие чисто академическую, интеллектуальную, теоретическую позицию, начинают понимать свою позицию как политическую, начинают определяться. Организаторы не хотели ставить жестких идеологических рамок, стремясь собрать людей, исходя из их практических позиций, но позиций, реально являющихся политическими. То есть вопросы о законе ФЗ-83, о законе об образовании, стандартах, социальных процессах в России в целом — именно это является сегодня реальными политическими вопросами, а не разброд между партиями. И задача заключается в том, чтобы наладить эффективную и качественную работу между группами. Как конкретно это будет, пока неизвестно, работа только начинается, но будет предложена форма работы, позволяющая надеяться на то, что все получится.

Пленарное заседание под названием

«Кризис и неолиберальное наступление. Вызовы текущего момента»

вела Анна Очкина (заместитель директора ИГСО, Пенза).

Она объяснила, что обсуждение актуальных вопросов социально-политической ситуации в России будет проведено по группам, условно обозначенным как «эксперты», «активисты» и «практики». Такая форма позволит, по мнению организаторов, отойти от стандартной для конференции формы монологических докладов и спонтанных, часто не взаимосвязанных выступлений, когда каждый стремится в основном высказать свою точку зрения без какой-либо связи с другими, и выйти на обсуждение наиболее актуальных острых вопросов, выработав по ним некую общую позицию в группе. Обсуждаться эти позиции будут на общем заседании, что позволит участникам разных групп ознакомиться с позициями друг друга, критически проанализировать их. Затем Очкина предоставила слово Б. Кагарлицкому

Борис Кагарлицкий. Я думаю, что всем здесь присутствующим примерно понятно, о чем идет речь, когда говорят о новом этапе. Официальные круги сегодня говорят о выборах, им очень интересно, как они распишут, разделят места в Государственной Думе. Они еще до конца не договорились, кому и сколько мест отписать, как эти места распределить. Думаю, для политиков официального толка сегодня очень большая проблема, кому сейчас нужно срочно записываться в «Правое дело», потому что ясно уже, что «Правому делу» отписали большое количество мандатов, но не очень понятно, как эти места будут распределены. Например, мне недавно рассказывали, что сейчас

среди политиков, которые числятся за «Справедливой Россией» возник большой ажиотаж, люди выясняют, кому из умеренных левых разрешат переписаться в крайние правые, но не всем разрешают, и они стоят в очереди, не всех же берут. У людей возникают большие проблемы, многие не могут распланировать свою деятельность, они не знают, левые они или правые, как себя вести. Им должны сказать, но в Администрации не определились еще, им не сообщили, какую роль в этом балласте они играют на данный момент. Нас эта суэта не интересует, так же как и вопрос о президентских выборах. Мы не в той весовой категории, не в том положении, чтобы даже это обсуждать. Они в них запутаются и без нас. Не решат, но именно запутаются.

Для нас новый этап сводится к двум позициям. Первая позиция – гипотетическая, но четко просматривающаяся. Мы явно находимся накануне нового экономического кризиса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Думаю, что присутствующий здесь Василий Колташов сможет рассказать об этом подробнее, представив наши экономические наработки. На конференции есть специальная секция для этого. Речь идет о том, что происходит в стране, об экономической и социальной ситуации. Среди материалов конференции, которые будут розданы или разосланы участникам, есть «14 тезисов» – набросок антикризисной или, если кому-то так больше нравится, переходной программы. В зависимости от идеологических симпатий можно так или

иначе расставить акценты. Но это нечто наиболее общее.

Более конкретные соображения состоят в том, что кризис на экономическом уровне, безусловно, возвращается. Мы видим его симптомы в Европе, мы видим его симптомы в Греции, Португалии, Италии, Великобритании и т.п. Нас, конечно, больше всего волнует Россия. Для российских элит ключевой вопрос сегодня только в одном: насколько долго смогут продержаться нынешние цены на нефть. Так вот, это первый момент, о котором мы можем здесь поговорить, потому что кризис довольно быстро может сломать нынешнюю тенденцию, резко обрушив цены на нефть. Причем обрушить в самый неподходящий для этого момент, тогда как власти надеются сохранить сегодняшнее положение дел как можно дольше или хотя бы до лета 2012 года, но совершенно не очевидно, что это получится. Совершенно не очевидно, что цены на нефть удержатся на сегодняшнем уровне – около 100 с небольшим долларов за баррель, допустим, до лета 2012 года. У властей могут возникнуть серьезные проблемы с финансированием их программ, с распределением ресурсов и вообще с продолжением имеющейся политики. Нужно готовиться к сценарию радикального обвала цен следующего года, за которым последуют серьезные и драматические события уже в сфере социальной и политической. Мы прекрасно помним 2008 – начало 2009 года, помним Пикалево и другие проявления кризиса, и мы сейчас прекрасно понимаем, что сегодня повторения

сценария 2008 не будет, проявление нынешнего кризиса не станет механическим воспроизведением тех же самых событий, а обернется чередой гораздо более драматичных, жестких и конфликтных ситуаций. Но сценарий падения цен и возвращения экономического кризиса – это гипотеза. Обоснованная и серьезная, имеющая все права быть рабочей гипотезой, но все-таки это сценарий, предположение.

Но есть и второй не менее серьезный момент, есть тенденция, которая сегодня очень четко просматривается. Даже при нынешних высоких ценах на нефть сегодня в России средств на социальные нужды не хватает, и не хватает потому, что вся политика, проводимая и российскими, и всеми другими властями, и международными властями, сводится к тому, что пожар тушится керосином. Все мы знаем политику США – качественное смягчение кризиса. Вместо того, чтобы решать структурные проблемы, разбираться в причинах кризиса, отказываться от политики неолиберализма, которая и привела к кризису, кризис заливают деньгами, печатаются деньги, закачиваются в экономики только для того, чтобы смягчить кризис. Эти деньги попадают на спекулятивные рынки. Это повышает цены на нефть, но растут цены и на продовольствие. Да, цены на нефть растут, и это российской экономике помогает, но одновременно мы видим, что цены на продовольствие подскочили, да еще как, а это уже фактор социального кризиса. Добавим еще неурожай, который был в России в прошлом

году, и нет никаких гарантий, что в этом году неурожая не повторится. Однако даже если в текущем году урожай в России будет хороший, необходимо понимать, что при нынешнем росте цен на продовольствие продавать его в России будет менее выгодно, чем на мировом рынке, и продовольствие из России будет вывозиться, тем более что, например, эмбарго на вывоз зерна из России снято. Соответственно тенденция к росту цен на продовольствие будет сохраняться. Но это лишь один аспект.

Второй аспект заключается в том, что чем больше денег выделяется на эти меры по спасению экономики, тем менее эффективно эти деньги тратятся. Мы видим небывалый рост коррупционных скандалов, и дело не только в том, что больше информации стало просачиваться в Интернет. Можно, конечно, предположить, что раньше все было так же, но сегодня появились блоггеры, появился Алексей Навальный, которые стали вытаскивать на свет факты коррупции и привлекать к ним общественное внимание. Но мне кажется, что это все-таки не так, и рост коррупции является реальным фактом. Это, кстати, регистрируют и чиновники. И дело не в том, что плохие люди, которых вдруг стало больше, решили поворовать напоследок. А дело в том, что чем больше таких бессмысленных средств вкладывается в экономическую политику, чем больше бессистемно тушится кризисный пожар, тем больше случайных денег просто гуляет по стране и по экономике, и тем больше денег пропадает. И тем

больше находится людей, которые хотят и могут их украсть. Но еще мы сталкиваемся и с ситуацией нарастающей неэффективности государственных расходов. Это со своей стороны регистрируют неолибералы, которые всегда утверждают, что государство неэффективно. Но проблема как раз обратная: сейчас именно неолиберальная модель экономики способствует тому, что государство становится все менее эффективным, так как разлаживается механизм вмешательства государства в экономику, механизм государственной деятельности в экономике. Государство становится еще более неэффективным и дорогим. Регистрируя эту неэффективность, неолибералы требуют следующего пакета своих реформ, что опять-таки делает государство еще более неэффективным и еще более дорогим. Чем больше реформ и реорганизаций, тем больше нужно денег. Классический либерализм требовал маленького и дешевого государства. Неолиберальная политика приводит к тому, что государство становится относительно маленьким в собственно социальной сфере, но оно разрастается за пределами социальной сферы (бюрократия, силовые структуры и т.п.) и при этом становится все более дорогим и все менее эффективным с точки зрения развития общества. Мы получаем все более дорогого и все более ленивого ночного сторожа. Даже ночного сторожа, который не работает, но ест. Результатом этого становится то, что при 80 долларах за баррель Россия имела профицит бюджета, а при ста пятнадцати примерно долларов за баррель

Россия имеет дефицитный бюджет. Власти все время оправдываются тем, что у них очень много социальных расходов, но на самом деле социальные обязательства властей в значительной мере сворачиваются. То, что власти предъявляют нам в качестве социальных обязательств, не является таковым по отношению к населению, это дорогостоящие программы, связанные с реструктурированием бюрократии, то есть это социальные обязательства государства перед самим собой. Или это социальные обязательства государства перед крупным бизнесом, те программы, по которым стимулируется работа бизнеса из государственных средств. Классический пример – Сколково. Инновационные программы, на которые бизнес получает деньги через Сколково – это не что иное, как диверсификация производства и вывод его из России. Эти программы бизнес и так осуществил бы, но теперь они могут делать это за государственный счет. Попросту говоря, бизнес использует государственные дотации для решения собственных проблем, а государство при этом ничего не развивает, оно просто передает деньги людям, которые по неолиберальной логике, умеют с деньгами обращаться. А эти люди вывозят деньги из страны.

С одной стороны, государство перегружено социальными обязательствами, часть из которых только оформлена как социальные обязательства, но реально на социальную сферу денег не хватает катастрофически. Например, депутатский запрос от ЕР о том, сколько

денег было потрачено на ФГОС, тот самый, который вызвал возмущение граждан. На разработку этого «гениального» документа было потрачено, по свидетельству Министерства финансов, 1 миллиард рублей отдельной строкой. Возникает проблема, когда на социальные проблемы, социальные нужды, значимые с точки зрения обывателей, жителей страны, денег катастрофически не хватает, и это при довольно высокой цене на нефть. А если она снизится до 60 или 40 долларов? Теперь уже понятно, что именно социальные расходы будут сокращаться в первую очередь. По существу, российское правительство уже начало проводить тот же самый курс, который проводят и правительства в Западной Европе – курс жесткой экономии на социальной сфере. Сегодня в России проводится жесткий вариант неоллиберальной политики, но он подан в несколько иной форме, и он подан, прежде всего, как структурные изменения. На мой взгляд, российский вариант хуже европейского, потому что не только расходы режутся, а целенаправленно разрушаются структуры, работающие с населением. В целом расходы, может быть, и не режутся, но адресно уничтожаются конкретные элементы социальной сферы, ориентированные на решение определенных проблем. Например, на детей в целом, может быть, меньше денег и не стало, но нет денег на детские сады, потому что ломается конкретная структура, занимающаяся дошкольным образованием. Обратная сторона адресной помощи: кому-то адресно помогают, в то же время кого-то адресно заставляют

голодать.

Ситуация с образованием тоже понятна, понятно и то, почему появился такой идиотский ФГОС. Елена Сергеевна Галкина, которая подробнее на соответствующем заседании расскажет о проблемах образования и в том числе о ФГОС, справедливо заметила, что дурацким и нелепым этот стандарт выглядит только в глазах педагогов, а на самом деле это очень своевременный с точки зрения текущей социальной политики российского государства документ. Это документ, который должен подогнать практическую структуру образования и его нормы под закон ФЗ-83, снимающий обязательства перед социальной сферой с государства. И если стандарт не подогнать, причем быстро, в течение нескольких месяцев, то закон станет невыполним. ФЗ-83, с одной стороны, и ФГОС, с другой, – это единая программа принудительного внедрения невежества в России.

Существует, кстати, и соответствующий запрос на определенную систему образования и от бизнеса, которую очень точно сформулировал господин Прохоров еще до того, как стал лидером «Правого дела». Он сказал, что у нас неправильная структура образования: 80% выпускников школ получают потом высшее образование, только 10% молодежи остаются на уровне полного среднего образования, и только 10% – с неполным средним. А нужно, сказал господин Прохоров, чтобы было ровно наоборот. Это «наоборот» можно понять двояко: либо имелся в виду радикально зеркальный ва-

риант, при котором 10% получают высшее образование, 10% - полное среднее, а остальные – «церковно-приходскую школу». И тогда, объяснил господин Прохоров, они не будут отказываться от тех предложений на рынке труда, которые мы им сделаем. Сразу становится понятно, какие предложения собирается сделать нам создатель ё-мобиля. У нас будет ё-мобиль, который будет ездить по ё-дорогам, будет много ё-работников, обслуживающих все это. Менее радикальный вариант, который тоже прочитывается, – это 20-20-60, в котором предполагается сохранение довольно высокого процента поступающих вузы, но при этом число людей, не получающих высшее образование, удваивается, как и число людей, не получающих полное среднее образование. Это более умеренная, но тоже достаточно радикальная для нашего общества программа. Тем более, что атаки на высшее образование не сопровождаются даже попытками создания качественного профессионального обучения. Если бы речь шла о параллельном создании эффективной системы профессионального обучения, если бы были хорошие технические колледжи, то все было бы не так драматично, но ничего подобного нет. То есть сначала мы закроем дорогу тем, кто хочет получать высшее образование, а потом будем думать, что с ними делать дальше. Так что в образовании складывается очень драматичная ситуация, которую необходимо разрешать, причем быстро. Если не будет сопротивления, то, как мне кажется, все замыслы правительства по разгрому образования осу-

ществятся.

В социальной сфере в целом, во всех областях мы попадаем в ситуацию структурного разгрома тех сфер, которые работают с населением и которые реально пользуются спросом населения. И речь идет не только о коммерциализации. Вспомним основной лозунг левых: «Нет коммерциализации образования, нет рыночной реформе!». Но для практических участников разрушение социальной сферы может принимать форму дефицита, как с детскими садами, когда каких-то структур социальной сферы нет, причем нет даже за деньги. Например, государственный садик закрыт, а частный открыть нельзя, так как платежеспособный спрос недостаточен. Или последствием реформ становится чудовищная бюрократизация социальной сферы, так как государство требует отчетов за использование выделенных средств, выдвигает большое количество формальных критериев финансирования.

Необходимо создание широкого общественного движения для того, чтобы остановить антисоциальные реформы. Извините, я перехожу к риторике и классическим левым лозунгам. Нас могут спросить, что мы можем предложить взамен. Наша позиция такова: мы можем предложить свою конструктивную программу, создать некий демократический механизм ее обсуждения и реализации, согласования социальной политики, но сначала перестаньте разрушать, остановите уничтожение. И что бы там нам ни говори-

ли о неконструктивном характере борьбы против разрушительной социальной политики, и что бы нам ни говорили о необходимости конструктивной, позитивной альтернативы, нужно стоять на одном. Любая позитивная программа будет всерьез рассматриваться и обсуждаться тогда, когда сама власть поймет, что ее программа сорвана, и сорвана необратимо. Когда нам сейчас говорят: предъявите позитивную, конструктивную программу, — это демагогия. Позитивная программа становится политически осмысленной, когда остановлена программа деструктивная. А деструктивным моментом, фактором деструктивной политики становится сама власть.

Второй момент: для эффективности такой политики нужен широкий социальный блок. И здесь встает большая проблема для левого актива. Левое движение, несмотря на привычную для него апокалипсическую риторику, к возвращению кризиса и соответствующим потрясениям не готово. Российская квадратура круга — как сделать хорошую левую организацию. И все время возобновляются попытки сделать такую хорошую левую организацию — то из КПРФ, то из троцкистских организаций. И потом возникает вопрос — а давайте все это объединим. Строго говоря, ИГСО много лет этим и занимается, предоставляя площадку для встреч и дискуссий различным партиям и движениям. Хороший пример — РСД, чуть ли не единственный пример в мировой истории, когда троцкистские организации вместо того, чтобы разделиться, объединились. Это замечательный пример,

это можно только приветствовать, но, тем не менее, не очевидно, что это является решением проблем страны и движения.

Сама постановка вопроса, что сначала нужно создать хорошую левую организацию, а потом вырастить эффективную левую политику, которую можно будет распространить по всей стране, не верна. В этой концепции нет ничего порочного, но она не работает уже много лет, значит, задача должна решаться по-другому, с другого конца. Нужно создавать широкий блок социальных сил, широкую коалицию социальных сил, в которой левые будут активно участвовать, но участвовать не как статисты с плакатами, а участвовать организационно, вырабатывать программу, стратегию, идеологию, осуществлять координацию деятельности, консолидацию социальных движений. Одновременно будет консолидироваться и сама левая политическая база, сам левый актив. Левое движение будет консолидироваться, конструктивно работая с широкими социальными движениями. Такой задаче подчинена и текущая конференция: мы хотели собрать людей в рамках подобной широкой коалиции и, с одной стороны, работать над созданием такой коалиции, а, с другой стороны, консолидировать в рамках этой коалиции левых, причем консолидировать их через деятельность, через деятельность конструктивно-политическую, через вклад в социальные преобразования. Это конструктивная задача, которая, на мой взгляд, может решаться и будет решаться. Другой вопрос

– насколько успешно. Надеюсь, что этому успеху будет способствовать и наша конференция. Спасибо.

Далее слово для доклада было предоставлено **Семену Борисовичу Борзенко**, члену оргбюро коммунистического движения «Аврора», редактору сайта коммунистической оппозиции КПРФ «КомПитер» (**Санкт-Петербург**).

Семен Борзенко: Тему моего выступления организаторы сформулировали так: «Возможно ли возрождение коммунистического движения в России?». Мне думается, что правильнее говорить не о возрождении, а о комплексной модернизации, потому что коммунистическое движение в России никогда не умирало. Оно существовало весь постсоветский период, но за прошедшие с 1991 года двадцать лет оно зашло в тупик, и возможность выхода из этого тупика, повторюсь, для российского коммунистического движения состоит в глубокой, глубокой и – подчеркну особо – комплексной модернизации.

Я хотел бы остановиться на нескольких ключевых, на мой взгляд, аспектах этой комплексной модернизации. Первый аспект состоит тоже из двух взаимосвязанных моментов. Первый – это поиск социальной базы современного коммунистического движения, второй – укрепление, обновление кадрового состава, актива. Повторяю: это две стороны одной медали, эффективным решением кадрового вопроса может быть только при расширении социальной базы, кадры – это прямая производная определения

социальной базы. С другой стороны, без активных кадров вы, даже хорошо представляя себя потенциальную социальную базу, вы до этой социальной базы просто не достучитесь. Эти вопросы необходимо решать параллельно.

Социальная база коммунистического движения сегодня не очень понятна. Сегодня традиционные коммунистические организации, не только КПРФ, но и РКП, и даже, к сожалению, независимые коммунистические организации, создающиеся сегодня в России, основным социальным объектом своего обращения, на мой взгляд, предполагают советских, постсоветских обывателей, советское мещанство. Содержание обращения, лозунгов этих партий сводится к призывам вернуться к советским реалиям в том или ином понимании: к ранним или поздним советским временам, в любом случае – вернуться назад. Так или иначе, эти организации (а я могу адресовать этот упрек и себе) не идут дальше советской державности. Это, в общем-то, совершенно понятно: сегодня классовая дифференциация нашего общества еще не завершена, традиционный избиратель левых в России сегодня – это постсоветский мещанин, который, безусловно, страдает, он чувствует себя обманутым, многие из этих людей в 1991 году поддерживали Ельцина. Сегодня, повторюсь, они чувствуют себя обманутыми, они чувствуют себя лишенными социального наследия, оставленного их отцами и дедами, чувствуют себя лишенными великой державы, в которой были социальная защи-

щенность и социальные перспективы. К сожалению, советское время, несмотря на все хорошее, что в нем было, негативно повлияло на социально-политическую активность масс. Советское время убило в нашем человеке, в нашем трудящемся какой-либо навык классового боя, этого навыка сейчас просто нет. Понимания сущности и целей классового боя сегодня нет даже у наиболее активных трудящихся. Разумеется, их можно разово объединить против действий, например, муниципальных властей, их можно разово консолидировать и спровоцировать на протест против наиболее агрессивных, наиболее диких действий администрации на отдельных предприятиях. Но это, повторяю, очень одномоментно, спорадически и локально. Когда с трудящимся начинаешь говорить о классовой солидарности и классовой борьбе как естественном состоянии общества, то понимания этого у большинства не встречаешь. Я думаю, что никто из присутствующих в зале, в том числе представители свободных профсоюзов, не только не будут возражать, но скажут об этом лучше и резче, чем я.

То же самое с кадрами. Основная кадровая база активистов организаций – позднесоветская бюрократия, сосредоточенная в основном в КПРФ. Другой тип кадров – левая интеллигенция, в том числе и постсоветская, так как среди этих людей довольно много молодых. Но, к сожалению, вот что получается: формируется коммунистическая организация, коммунистическая левая группа в том или ином регионе и целиком

оказывается состоящей из левой интеллигенции. На собраниях, на мероприятиях такой организации не часто встретишь представителей рабочего класса. Это и есть проблема социальной базы. Как только социальная база коммунистического движения более четко определится в классовом смысле, сразу будут появляться новые кадры – наиболее активные представители этой социальной базы.

Второй аспект, на котором я хотел бы остановиться – это идейно-теоретическое обновление. За последние двадцать лет в левой среде произошло колоссальное размывание марксистского сознания. Это проявляется сегодня во всем, но главное, что наши левые потеряли навык применять марксистскую методологию при поисках ответов на социально-политические вызовы времени. Возникает новая социальная проблема, появляется какой-то экономический вызов, меняется что-то в обществе, в государстве, и левые начинают блуждать в тумане, вместо того, чтобы воспользоваться марксистскими наработками, марксистскими навыками социального анализа, творчески применяя их к анализу и объяснению новых явлений. Разумеется, современное общество радикально отличается от общества 19 века, от общества 20 века, но, тем не менее, марксистская теория и методология не утратили своей актуальности. Другое дело, что невозможно механическое применение готовых формул и шаблонов, необходим творческий подход. И вот именно в этом и состоит сегодня первоочередная

задача левой интеллигенции, которая должна не руководить левым движением, а, по большому счету, его интеллектуально обслуживать. Но она, к сожалению, эту задачу полноценно не выполняет. Конечно, в КПРФ левой интеллигенции уже почти не осталось, руководство партии интеллектуалов последовательно выдавливает, так как те задают слишком много неудобных вопросов. Но и в других организациях, увы, левая интеллигенция с задачей творческого применения марксистской теории к анализу актуальных сегодня проблем и вызовов не справляется. Но если мы не научимся адекватно и эффективно применять марксистскую методологию в своей теоретической и практической деятельности, то так и будем блуждать в тумане, периодически впадая в реакционный социализм, который высмеивал еще Энгельс, в мистицизм а ля товарищ Никитин и т.п.

Третий аспект, не менее важный, чем предыдущие два — это левая культура. По моему глубокому убеждению, любая идеология должна базироваться на определенной духовной сфере. Если вокруг определенной идеологии, вокруг определенной политической силы не формируется свое культурное поле, то и идеология, и политическое движение обречены. Например, движение революционных демократов, разночинцев было бы невозможно без, скажем, критического реализма. Оно было бы невозможно без таких людей как Чернышевский, Добролюбов, Белинский, Писарев и т.п. Эти люди создавали опреде-

ленное культурное поле. Определенное культурное поле создавали классики соцреализма, и именно это обеспечило сталинскую модернизацию. Мы часто недооцениваем этот момент. Может ли сейчас кто-то из присутствующих сказать, что сегодня является специфически современной левой культурой? Поздние советские классики, рассказывающие о том, как они сочувствуют левым и страдают от развала Советского Союза? Либо, напротив, леворадикальные проявления: группа «Война», музыкальная группа «Барто»? Что же такое все-таки сегодня левая культура? На этот вопрос нет ответа. Пока левое движение не будет формировать и развивать левую культуру и, с другой стороны, пока левая культура не будет вызревать в обществе сама, в свою очередь подпитывая движение, коммунистическое движение не найдет надежной и серьезной поддержки в обществе. Без зрелой левой культуры, базирующейся на определенной системе ценностей, левое движение никогда не сможет развиваться, утвердиться в обществе, найти контакт со своей социальной базой. Этим вопросом необходимо специально заниматься, в том числе и теоретически. Мы неоправданно им пренебрегаем.

Четвертый аспект, который невозможно обойти, — это новые организационные формы. Про КПРФ можно говорить много, но мне этого делать не хочется. Сегодня КПРФ должна восприниматься как коммунистическим движением как источник ресурсов. В тех регионах, где в руководстве КПРФ находятся, скажем

так, правильные люди, а таких регионов немало, там коммунистическое крыло КПРФ имеет возможности развиваться, которыми активно пользуется и в рамках КПРФ, и даже немного выходя за эти рамки. Люди могут получать ресурсы в виде депутатских мандатов, мест помощников депутатов, помещений, возможности публиковаться в партийной прессе и т.п. Но это, повторяю, речь идет о возможности использовать ресурсы КПРФ для развития коммунистического движения. Мы должны сегодня оставить КПРФ в покое и думать больше о том, что мы можем сделать за ее рамками. По моему глубокому убеждению, одна из ключевых проблем создания чего-то такого нового левого, но не КПРФ, состояла в том, что эти попытки предпринимались сверху, исходя, в основном, из Москвы. Собиралось некоторое количество московских товарищей, преимущественно левых интеллектуалов, писали программу, объявляли себя новой коммунистической организацией и предлагали товарищам из регионов просто присоединиться к ним. Из этого, как правило, ничего путного не получалось. Более эффективный и перспективный подход здесь, на мой взгляд, состоит в том, чтобы создавать низовые движения, исходя из возможностей региона. По мере роста и развития таких региональных организаций будет возникать объективная потребность в межрегиональной координации своих действий, сначала на уровне информационного обмена, потом на уровне встреч, совместных акций и, в конце концов, взаимодействия региональных организаций.

Повторяю, нужно идти снизу, и такое движение неизбежно приведет к созданию межрегиональной и даже общероссийской организации. Никто в Москве не имеет права объявлять себя центром, навязывать свою стратегию и тактику регионам. Регионам зачастую виднее, как им развиваться, главное, чтобы такое развитие происходило.

Создание новой левой партии необходимо и неизбежно. Подталкивать этот процесс, однако, неразумно, бессмысленно. В лучшем случае сегодняшнее коммунистическое движение может породить новую политическую партию к следующему избирательному циклу, то есть к 2017 – 2018 году. Может быть, и не успеем, это не трагедия, я думаю. Это будет означать, что общество не созрело для новой политики. Или, напротив, тот кризис, о котором говорил Борис Юльевич, многократно интенсифицирует развитие ситуации, и те низовые коммунистические движения в регионах, о которых я говорил, окажутся, вполне возможно, в авангарде социального протеста на местах, социальный процесс ускорится, а с ним и процесс создания партии пойдет быстрее. Не исключаю, что придется торговаться с режимом по поводу регистрации этой партии, а может быть, к тому времени режим и сам будет заинтересован в том, чтобы такая партия появилась. Я не буду гадать, я только уверен в том, что мы должны быть к этому готовы, и что создание низовых коммунистических организаций необходимо. Еще год назад мне казалось, что это будет очень долгий процесс,

но Геннадий Андреевич Зюганов, надо отдать ему должное, всячески ему помогает и способствует тем, что исключает людей в регионах и разгоняет партийные комитеты, выдавливая тем самым здоровые элементы из КПРФ. Сегодня уже есть Питерская «Аврора», создана «Аврора» в Нижнем Новгороде, есть «Ставропольский Союз коммунистов», есть «Союз коммунистов» в Красноярске. Сегодня идут процессы, которые неизбежно приведут к созданию подобных структур в Москве после разгрома московской организации КПРФ. И я думаю, что челябинцы тоже к этому же придут, у них полгода назад тоже был погром. Это уже достаточное число регионов, чтобы можно было говорить о всероссийской тенденции. Там, где центральное руководство КПРФ вмешивается в дела региональных организаций, исключая авторитетных коммунистов, пытаясь повлиять на идеологию и деятельность организации, там, где оно продает мандаты, неизбежно появляется группа недовольных, причем группа недовольных не по коммерческим, а по принципиальным соображениям. Если находится пассионарный лидер, а группа по численности и активности может обособиться от КПРФ и начать самостоятельную деятельность, начинается процесс создания новой коммунистической организации. Каждая из этих групп может распасться через какое-то время, не выполнив исторической задачи, если она на местах не будет решать те задачи, о которых я уже сказал: социальная база, кадры, идейно-теоретическое обновление, организация. Вот то, о чем я хотел

вам рассказать, больше не задерживаю ваше внимание, спасибо.

Далее слово было предоставлено **Межуеву Борису Вадимовичу** (заместителю главного редактора «Русского журнала», заместителю генерального директора Фонда гражданских инициатив «Стратегия-2020», доктору философских наук, г. Москва)

Борис Межуев: Мне кажется, сейчас перед левыми стоит задача даже не развития, а создания левой среды. Сегодня, как мне представляется, левая среда разрушена, и те процессы, которые будут происходить с ней в ближайшие годы, будут еще более сложными и катастрофическими. Я начну издалека. В 2007 году в журнале «Смысл» я опубликовал текст под названием «Кто на новенького», посвященный феномену постоянно возникающих новых партий в российской политической жизни. Начиная с 1999, когда появился Союз Правых сил (СПС), потом «Родина», потом «Справедливая Россия», мы все время видим, что, собственно, реальное значение, даже не политическое, а, скорее, политико-культурное, общественно-культурное значение, имеет не столько побеждающая на выборах партия – в 1999 году «Единство», в 2007 – «Единая Россия», в настоящий момент – «Народный фронт», – сколько новая партия. Новая партия выражает те общественные ожидания, на которые, в конечном счете, ориентируются политические режимы. СПС в 1999 году выражал собой суть того, что происходило в последующие годы.

Таковую же роль играла «Родина» в 2003, задав антиолигархическую повестку дня, в определенной степени анти-иммиграционную. И даже «Справедливая Россия», несмотря на то, что политически себя эта партия особенно ярко не проявила, но в каком-то смысле она сумела угадать поворот к интеллигентской правозащитной риторике, в определенной степени популистской, предварив победу прогрессистов в Соединенных Штатах Америки и в какой-то степени даже предварив определенные действия нынешнего Президента.

Конечно, мы видим, что на повестке дня сегодня, безусловно, правая партия. Правая партия, которая собирает вокруг себя все больше самых разных, даже неожиданных сторонников. И мне кажется, что чем дальше, тем больше эта коалиция вокруг «Правого дела» будет расти. К сожалению, увеличены сроки лигистратуры, то есть мы будем шесть лет иметь дело со следующей Государственной Думой и, соответственно, ротация этой новой партии будет гораздо более сложной. Но сразу с победой той или иной партии возникает ее конкурент. Так, например, националисты были конкурентами правых в «нулевые» годы, как впоследствии «Справедливая Россия» стала конкурентом «Родины», предварительно вобрав ее в себя. И следовательно, должен возникнуть конкурент и у правых. Вопрос, таким образом, заключается в том, сможет ли возникнуть некая левая среда, которая после и, может быть, до 2012 года, могла бы создать ясную, внятную обще-

гражданскую альтернативу этой побеждающей правой силе. Что собой представляет эта правая сила понятно уже сегодня. Это не что иное, как прикрытие различных неолиберальных реформ, которые будут осуществляться, вероятно, с лета 2012 года. Что это за реформы, тоже понятно: пенсионная реформа, продолжение реформы ЖКХ, здравоохранения и тому подобное. Но одновременно это будет гораздо большее по своему значению политическое объединение, которое вберет в себя очень многое, тем более, мы видим сегодня, что многие левые туда вступают. Кстати, я бы не делал особую ставку на левую культуру, потому что левая культура прекрасно приватизируется правой политикой. Начиная с конца 90-х годов, мы видим, что правая политика во многом существует за счет левой культуры, феномен Марата Гельмана, по-моему, прекрасно это подтверждает. Никакая левая культура в каком-то таком сектантском смысле левую политику в России не сделает. Нужны ясные, понятные, общегражданские инициативы. В чем же они могут заключаться, на мой взгляд?

Здесь необходимо разобраться и понять, что представляет собой неолиберализм. Главная ошибка всех, кто пишет о неолиберализме и в России, и в Америке, и в Европе заключается, на мой взгляд, в узкоэкономической трактовке этого явления. В такой постановке вопроса понимание может быть вполне правильным, но обязательно не полным. Обычно неолиберализму инкриминируют экономические

недостатки, торможение экономического роста, сбой в социальной политике. Но, на мой взгляд, этого недостаточно, это не объясняет, например, давно интересующий меня и моих коллег феномен отсутствия ротации в российском экономическом истеблишменте. Что бы ни случилось, какой бы кризис не произошел, какая бы катастрофа не разразилась, ничего в российском экономическом истеблишменте не меняется. Остаются все те же примерно люди, точно одни и те же идеи и концепции побеждают, одна и та же экономическая доктрина господствует, все время одни и те же экономические рецепты считаются наилучшими. Ничего не меняется, и даже те люди, которые пытаются что-то изменить, вынуждены интегрироваться в это постоянное, устойчивое поле экономической аристократии. Дело, как мне кажется, в самом феномене капиталистического общества.

Капиталистическое общество по сути своей таково, что неолиберализм будет существовать в нем всегда. Капиталистическое общество фундаментально, по сути своей несправедливо. Я говорю сейчас даже не о системе неравенства, а именно о системе несправедливости. Как только капиталистическое общество само начинает двигаться к чуть большей справедливости, по крайней мере, в распределении материальных доходов, оно тут же сталкивается с кучей собственных проблем: замедлением экономического роста, инфляцией и т.п. И неолиберализм – это своего рода попытка подстегнуть экономическое

развитие за счет снижения элементов справедливости. Понятно, что общество, в котором люди, производящие необходимые для всех блага, всегда оказываются беднее, чем те, кто задействован в сфере рекламы, маркетинга, финансовых спекуляций и т.п. Такое общество по сути своей не может считаться справедливым и нравственным. Создать полностью справедливое и нравственное общество внутри капитализма невозможно. Можно ли радикально поменять эту систему, как это было в эпоху СССР, вот тут большой вопрос. С одной стороны, советское общество было более справедливым, но менее свободным. Вопрос о том, можно ли совместить справедливость и свободу, представляется мне открытым, и я не знаю, кто мог бы на него сегодня адекватно ответить. У меня нет представления даже о коммунистической утопии, которая могла бы решить эту проблему.

Тем не менее, в нашем, постсоветском, обществе мы имеем дело с обратной ситуацией. В силу отсутствия для наемного труда и интересов наемного труда всякой возможности быть представленным и на политической сцене, в нашем обществе господствует несправедливость, господствуют элементы неолиберализма и так далее. Это общество в силу определенных политических институтов делает невозможной адаптацию капиталистической системы к, условно говоря, человеческой нормальности, это общество препятствует появлению системы, в которой можно выражать интересы не только бизнеса,

капитала, государственной системы в целом, но и интересы наемного труда.

В этом смысле, мне кажется, левая коалиция, левая идея должна предлагать демократическую альтернативу. Я не большой поклонник Ленина, но у него одна мысль была абсолютно правильной и оказалась, как ни странно, справедлива и для России начала 20 века, и для России начала 21 века. Мысль Ленина заключалась в том, что буржуазия в России (сегодня мы говорим «бизнес-класс», что по сути то же самое) не способна реализовать требования буржуазно-демократической революции, не способна установить буржуазную демократию. Несмотря на то, что нынешний бизнес-класс и российская буржуазия начала 20 века – это совершенно разные по своему человеческому составу слои, группы, тем не менее, эта характеристика справедлива для обеих этих групп.

Сегодня самые радикальные требования либеральной оппозиции практически не включают в себя требования буржуазной демократии. В этих лозунгах может содержаться что угодно: правая партия в Думе, защита права собственности, смена идеологии. Но на вопрос: а хотите ли вы демократии, в лучшем случае последует уклончивый ответ. Эта наступающая правая сила сама по себе России демократии не принесет. Она прекрасно понимает, что если пойти на серьезные демократические преобразования, нужно будет пойти на изменение социально-политической и эконо-

мической модели. Я имею в виду чисто буржуазную, парламентскую демократию, я не говорю о какой-то иной – рабочей или об экономической демократии. Я не то, чтобы не верю в демократические альтернативы парламентской демократии, но я пока не вижу, как такая не буржуазная демократия может быть поставлена во главу угла реального политического процесса. Но задача буржуазно-демократических преобразований не ставится во главу угла авангардом, и даже арьергардом, правой оппозиции. Главный лозунг правой оппозиции – возвращение в Ельцинскую эпоху. Поэтому возникают удивительные паллиативы: нельзя поставить вопрос о парламентской демократии, но давайте поставим вопрос о децентрализации страны. Децентрализация, компьютеризация – это хорошо, об этом можно и нужно говорить. Но вопрос о том, что победившая на выборах в Думу партия должна формировать правительство и, следовательно, правительство должно зависеть от мнения избирателя, не может быть даже поставлен. Это невозможно как для официоза, так и для его оппонентов.

Это действительно проблема, что буржуазия с ее зависимостью от государственной протекции, от государственных льгот, очень зависит от власти, связана с ней и потому, соответственно, откровенно боится избирателя. Поэтому в России первоочередная задача левых, на мой взгляд, заключается в том, чтобы взять на вооружение простую идею создания в России парламентской демократии, внутри которой только

и может реально существовать левая партия. Эту идею необходимо продвигать и осуществлять любыми способами – посредством политической пропаганды, посредством того, что мы с моими коллегами называем политической критикой, посредством особой журналистики, массовых левых движений. В сегодняшней системе такая партия может даже победить, быть господствующей, иметь конституционное большинство, но от этого никак не будет зависеть политика правительства, которая определяется совершенно другими факторами, абсолютно другие люди и интересы на нее влияют. В таких условиях ни левое, ни правое не может существовать. Вообще публичная политика теряет всякий смысл, сохраняя смысл только как PR-сопровождение действий власти или не только власти.

Собственно эту идею мы с рядом коллег и пытались реализовать во время нашей деятельности, так сказать, рядом с властью. Во-первых, нам казалось, что эпоха Медведева – это определенный шанс, который, кстати, не был реализован, не был использован, хотя мы на него работали, ничего не получилось. Шанс был в связке с американскими событиями, где к власти шли силы, называющие себя прогрессистскими, которые пытались реализовать альтернативную неолиберализму программу, пусть не просто непосредственно и наполовину, а скорее всего, откровенно неудачно. И все-таки соотношение нынешнего российского президентства с американским позволяло надеяться на то, что удастся сдвинуть социально-

экономическую политику от неолиберализма в сторону умеренного прогрессизма. Эта была первая задача, которую мы с моими коллегами ставили перед собой, используя возникший у нас «Цех политической критики», мы надеялись на серьезную общественную поддержку. Отсюда тема «интеллектуального класса», в какой-то степени возвращающая нас в шестидесятые годы, когда интеллектуальный класс, как в Америке, так и в России, казался гегемоном исторического прогресса. Не случайно и американский, и российский президенты все время делали в своих выступлениях отсылки к 60-м годам. Обама вспоминал спутник, Медведев говорил о физиках и лириках, звучали все время ностальгические нотки – какая была хорошая эпоха, полная надежд и т.п. Казалось, что возник некоторый зазор, существующий между трендом публичной политики и неолиберальными политическими силами.

И вторая возможность заключалась в том, чтобы сдвинуться в сторону публичной политики, парламентской политики за счет активизации правящей партии. Именно эта идея была положена в основании статьи, которую мы с Михаилом Ремизовым опубликовали в газете «Газета» под названием «Охота на медведей». Партия не должна быть ширмой для действий власти, она должна иметь свое лицо, свою собственную программу, отличную от неолиберальной, и защищать ее. Возможно, это будет уже партия, не захватывающая конституционное большинство, но это будет партия,

представляющая собой полноценный политический субъект, способный активно отстаивать свою собственную политическую позицию и стратегию. К сожалению, была избрана другая стратегия избирательной кампании, в которой оказалось сложно реализовать эту идею.

Сегодня, вероятнее всего, в результате нового электорального цикла мы будем иметь иную политическую повестку, внутри которой, несомненно, правые обретут видимость, даже если они наберут 8%, а не 10 или 20. Все равно эта восьмипроцентная политическая партия именно потому, что это новая партия, на ней сосредоточены элитные устремления, на ней сосредоточены общественные устремления, станет центром политического процесса, на нее все будут ориентироваться.

И задача заключается в том, чтобы, отказавшись от разделяющих левых культурных, религиозных, идеологических шор, создать левую среду, объединенную двумя принципами. Первый – это принцип справедливости, то есть попытаться вернуть российскому обществу идею справедливости. Нужно сказать, что сегодня российское общество – это общество, полностью отдалившееся от справедливости, полностью лишенное нравственности, совести. Общество, в котором любой преуспевающий человек считается правым именно потому, что он преуспевает, он, с точки зрения общества, по праву, согласно своим способностям, владеет своим богатством, и согласно такому же праву нищий является нищим. Наше об-

щество ближе к маркизу де Саду и бесконечно далеко от классической русской литературы.

Одновременно левые должны предложить альтернативу, должны продвигать идею, что невозможно воспринимать любые экономические и политические рекомендации как абсолютно безальтернативные, как чисто технические. Здесь может быть отведена большая роль политической журналистике, которая должна каждый раз, каждым своим действием демонстрировать, что любое экономическое решение, любой политический или социальный рецепт не является техническим предписанием, отчужденным от идеологии, а является следствием определенной доктрины, определенной системы взглядов. Такой журналистики сегодня в России нет, к сожалению, или она не достигает своей цели. И создание такой журналистики может стать, на мой взгляд, очень важным фактором создания и укрепления левой среды. Это та задача, над которой нам, как мне кажется, нужно серьезно работать ближайшие три года.

Выступление **Анны Очкиной** посвящалось механизмам неолиберального наступления на общество.

Анна Очкина: Прежде чем говорить о сопротивлении неолиберализму, о преодолении этой политики, нужно понять не только то, чем неолиберализм является теоретически, чем он является в экономическом или в этическом отношении, о котором говорил Борис Межуев, но и то, что технически происходит. Нужно понять то, что же проис-

ходит с обществом под влиянием неолиберальных реформ, которые сейчас интенсифицировались, очевидно, что сегодня пошла мощная новая волна этих реформ. Прежде всего, по поводу справедливости. В основе неолиберальной идеологии лежит идея о том, что экономическая эффективность (понимаемая, прежде всего, как рыночная эффективность) всегда противостоит социальной справедливости. То есть, если вы под воздействием общественного мнения делаете шаг в сторону справедливости, попросту не дадите какой-то части общества умирать с голоду, то вы уже теряете в экономической эффективности. Неолиберализм исходит из того, что любые затраты на людей, любые затраты на нетрудоспособных граждан, затраты на улучшение условий жизни слабо защищенных слоев общества, словом, любые вложения в людей вредны с точки зрения рыночной экономики, это, своего рода, «затратный навес над экономикой». Это главный тезис неолибералов и главный лозунг, под которым все реформы и происходят. Поэтому с точки зрения неолиберальной идеологии социальные блага (здравоохранение, образование, культура и т.п.) понимаются как услуги, большинство которых необходимо распределять по рыночному принципу. Образование, например, уподобляется производству гамбургеров: вы чувствовали голод и съели гамбургер, вы захотели представить себя в наиболее выгодном для себя свете на рынке труда, вы получили образование. Отсюда следует и требование к системе образования – ориентироваться прежде всего

на потребности рынка. Отсюда же – и коммерциализация социальной сферы в целом, это закономерный (и желаемый) результат неолиберальных реформ, следствие переориентации социальной сферы на платежеспособный спрос, на рыночные потребности.

Все очень стройно и по-своему красиво. Не вписывается сюда система социальной помощи. Социальная помощь, социальное обеспечение по определению не может распределяться по этим принципам, потому что спрос на нее не может быть платежеспособным: в социальном обеспечении нуждаются люди, не имеющие средств к существованию или очень ограниченные в средствах, именно их бедностью обусловлена потребность в социальной помощи и обусловлена. Но даже в неолиберальной экономической теории и идеологии есть представление о том, что если какие-то граждане постоянно будут умирать с голоду, это нарушит стабильность общества, что-то пойдет не так. Так что социальная помощь все-таки признается необходимой, но она принимается неолибералами как неизбежное зло, как затраты, осуществляемые под давлением. И тогда появляется идея адресной помощи, то есть предоставление социальных благ бесплатно только тем, кто в них нуждается. Ни в коем случае не будет для всех бесплатных или дешевых детских садов, вузов и т.п., мы дадим только тем, кому реально нужно. Остальные граждане должны приобретать социальные блага, в основном, на рынке и по рыночным правилам.

Однако на практике адресная помощь оказывается и неэффективной, и затратной. Она нуждается в больших административных затратах: вы должны строго отслеживать тех, кто нуждается в социальной помощи, эти люди вынуждены собирать большое количество документов, подтверждающих бедственное положение и т.п. Всегда возникает проблема исключения из системы адресной помощи людей, чье социально-экономическое положение немногим, но все же по формальным критериям (среднедушевой ежемесячный доход семьи, например) лучше положения тех, кто имеет право такую помощь получать. Какой смехотворно малой и не принципиальной ни была бы разница, малообеспеченные люди, реально нуждающиеся в помощи и поддержке, из реципиентов адресной помощи исключаются.

Интересен пример с безработицей. Адресная помощь безработным неэффективна абсолютно, прежде всего, потому, что ориентирована только на так называемых официальных безработных, то есть зарегистрированных в службах занятости. То есть даже с объектом помощи есть проблема, помощь оказывается не совсем тем, а порой и совсем не тем.

В России существует две статистики безработицы – статистика Служб занятости, так называемая официальная безработица, и та, которую выявляют обследования Росстата по Международной организации труда (МОТ). Согласно последней статистике безработных

в России в 3-3,5 раза больше. Но дело не только в существенных количественных различиях, это просто разные группы населения. Значительная часть безработных (около 60% согласно социологическим опросам) не регистрируется на бирже, предпочитая находить работу самостоятельно. Наиболее экономически активные и обладающие относительно более высокой квалификацией люди, как правило, не регистрируются как безработные. А вся государственная помощь как раз оказывается официальным безработным, то есть меньшей части людей, реально нуждающихся в помощи по трудоустройству. Официальная безработица в России, кстати, невысока. Кроме того, определенная доля официальных безработных в работе реально не нуждаются, будучи заняты в неформальной экономике. Таким образом, частично адресная помощь безработным оказывается невосребованной, потому что предлагается тем, кто в ней реально не нуждается, а значительной группе людей, кровно заинтересованных в помощи по трудоустройству такие государственные услуги оказываются недоступными.

Другой пример неэффективности адресной помощи – демографическая политика, которая сегодня в России существует отдельно от социальной, даже противостоит ей и, следовательно, не работает. Государство предпринимает и финансирует определенные шаги по стимулированию рождаемости, а потом то же государство закрывает детские садики и гребит школьное

образование. Получается противоречивое послание населению: «вы можете иметь много детей, вам поможет материнский капитал, только вот потом, когда они подрастут, у ваших детей не будет детских садов, в школах будет сплошная БЖ и т.п.». Противоречиво ведет себя в данном случае государство, население это послание трактует однозначно.

По ряду демографических показателей, например, средняя и ожидаемая продолжительность жизни, мы не достигли уровня 60-х годов. При этом подкашиваются реформами именно те сектора и сферы здравоохранения, которые могли бы обеспечить эффективную борьбу с наиболее значимыми для современного общества причинами смерти – сердечнососудистые заболевания и онкология. Без своевременной диагностики, профилактических мероприятий снизить смертность из-за этих заболеваний невозможно, но именно такие медицинские услуги сегодня все больше становятся платными. Вся диагностическая и профилактическая сфера современной медицины становится либо платной, либо неэффективной.

Но еще печальнее то, что неолберальное наступление на здравоохранение и медицину сопровождается жутким бюрократическим контролем. Бюрократический контроль всё время растет не просто одновременно, а во многом именно вследствие рыночной переориентации социальной сферы. Все ограничения, которые налагались на сферы образования, здравоохранения, культуры и т.п. со стороны обще-

ства из соображений социальной справедливости, то есть для того, чтобы обеспечить единое образовательное пространство, единые стандарты лечения, потребления и т.д., отменяются. При этом вводятся новые не жесткие ограничения, цель которых одна – поставить всех, работающих в социальной сфере в зависимость от бюрократа: любого, начиная с вашего непосредственного начальника и заканчивая министром. Возникает система тотального бюрократического контроля по совершенно формальным, по сути, волюнтаристски сформированным критериям, никак не относящимся к существу задач социальной сферы, к существу ее общественной функции.

Однако эти формальные критерии необходимы государству для определения размеров финансирования учреждений социальной сферы, так как безусловное финансирование по потребностям прекращается, чему во многом посвящен закон ФЗ-83. Государство вынуждает производить отчеты, которые становятся важнее с точки зрения признания итогов работы удовлетворительными, чем содержательная деятельность. Неважно, как вы лечили, главное, сколько человек вы успели принять в час. Неважно, как вы научили, главное, как вы отчитались, насколько ваши методические материалы соответствуют утвержденным формам. Не важен вклад университета или лаборатории, или твой личный вклад в науку, важнее то, сколько статей вы опубликовали. Гораздо выгоднее в таких условиях научиться очень быстро печатать,

чем думать о том, что именно печатать. На самом деле, если послушно и тщательно следовать всем бюрократическим нормам и формам, работать некогда. Но при этом бюрократический контроль становится все жестче и жестче, зависимость государственного финансирования растет, происходит не что иное, как принуждение к коррупции и нарушению профессиональной этики.

Нужно сказать, что во всем этом неолиберальном кошмаре есть и хорошая новость: все это еще и не работает. Пытаясь сократить социальные расходы, одновременно делая вынужденные ситуативные денежные вливания для ликвидации «узких мест», государство запутывает управление социальной сферой, вызывая возмущение и беспокойство даже низовых бюрократов, которых раздражает невозможность выполнять противоречивые и безумные указания. Ни в коем случае нельзя считать их левыми, но власть неолиберальными реформами даже этот слой сумела успокоить и обескуражить. Нередко они бы и рады выполнить указания сверху, да часто эти указания аналогичны приказу вскипятить воду на льду. Даже при самой большой лояльности и самом высоком рвении такой приказ не выполнить.

И в заключение хотела бы добавить, что мониторинг протестного поля в России показывает: социально-трудовые проблемы (задержка заработной платы, низкая зарплата, незаконные увольнения и т.п.) люди предпочитают решать индивидуально, в том числе и в судебном

порядке. Например, в Приволжском федеральном округе – лидере по зарплатным долгам за второй квартал – не было ни одной забастовки, связанной с этими долгами. А судов было очень много, люди решали вопрос в индивидуальном порядке. А вот самые заметные протесты, организованные самими гражданами, а не партиями, связаны с нехваткой мест в детских садах.

Собственно, почему я свела обсуждение текущего момента к состоянию социальной сферы? Дело в том, что недовольство качеством работы социальной сферы и сокращением доступности социальных благ становится все более заметным консолидирующим фактором социального протеста в России. Здесь очень ограничены возможности индивидуальных решений, здесь нужно вспоминать о солидарности и апеллировать можно только к государству, и нечего делать, кроме как требовать блокировки, прекращения неолиберальных реформ. Этот факт необходимо учитывать, им нужно пользоваться, ведя информационно-аналитическую и пропагандистскую деятельность.

После завершения пленарного заседания началась работа по группам. В группу **«АКТИВИСТЫ»** вошли члены различных левых групп и организаций. Итог обсуждения социально-экономической и политической ситуации в России выглядит следующим образом. Прежде всего, все участники обсуждения подтвердили необходимость интеграции левых сил через

совместную деятельность. По их мнению, поле для такой деятельности, и пропагандистской, и протестной, открывает сегодня постепенно вступающий в силу закон ФЗ-83. Однако возникает необходимость определиться с социальной базой. Для левых чрезвычайно актуален вопрос – что такое пролетариат сегодня, насколько он совпадает с классическим марксистским определением, насколько является – и потенциально, и реально – субъектом социального протеста? Активисты признали, что сегодняшней рабочий не является политически активным, не склонен к солидарности и упорной борьбе за свои права. Очевидным для многих является и то, что авторитет левых сегодня недостаточен для того, чтобы они могли выступить организующей силой, могли возглавить социальный протест. По мнению активистов, сегодня в России создание единой левой партии преждевременно из-за идеологических разногласий в левой среде из-за неопределенной социальной базы левого движения, недостаточного авторитета левых. В качестве одного из вопросов тактики обсуждалась актуальность борьбы на выборах. Этот вопрос оказался дискуссионным. Действительно, многие активисты признали, что сегодня левым идти на выборы рано, у них нет достаточных сил – кадрового потенциала, авторитета, устойчивой связи с социальной базой. Участники дискуссии подчеркивали, что сегодня в российском обществе не до конца осознается обострение экономического и социального кризиса, нет четкого понимания неизбежности обострения

социальных проблем. Однако была высказана идея о том, что динамизм политической ситуации приведет к тому, что завтра левым идти на выборы будет поздно. И все-таки наиболее актуальной тактикой для левых было признано создание социальной коалиции, ядром которой станет левый актив. Консолидация коалиции возможна в ходе борьбы с наиболее одиозными социальными инициативами правительства, вызывающими возмущение большинства населения. Такая работа будет способствовать развитию и закреплению движения. И левое ядро консолидируется в процессе создания этой коалиции.

Группа **«Практики»** объединила представителей профсоюзных и социальных движений. Выступили лидеры и активисты социальных движений и профсоюзов, делясь опытом конкретной работы на местах. Основной проблемой, по их мнению, является низкая политическая и гражданская активность масс, слабая солидарность, низкая степень готовности граждан участвовать в солидарных действиях, отстаивая свои права. Необходимо объединять усилия профсоюзов и социальных движений, действующих в разных сферах и регионах, организовывать информационный обмен, обмен опытом, осуществлять экспертную поддержку и организационную помощь. Необходим новый закон о профсоюзах, расширяющий возможности создания территориальных профсоюзных первичек. При всей ограниченности локальных социальных движений необходимо признать их важную

роль в воспитании политической и гражданской активности и формировании механизмов солидарности.

Группа **«Эксперты»** состояла из аналитиков, специалистов в области политологии, экономики, социологии, педагогики. Итог обсуждения в этой группе был таков. Социальный протест будет сосредотачиваться на тех проблемах, которые значимы для общества в целом. Ключевыми вопросами для российского общества сегодня являются: вопросы образования (дошкольного, среднего, высшего), жилищная сфера, здравоохранение, развитие социальной инфраструктуры. По всем этим вопросам уже исчерпан ресурс индивидуальных решений. В обществе формируется постепенное понимание необходимости объединяться для защиты своих социальных прав и возникает потребность в культуре солидарности. При этом проблемой остается молчание левых в публичном пространстве. Сегодня же большое значение приобретает экспертная борьба за гегемонию — борьба интерпретаций. Жизненно важным для левых является распространение в информационном пространстве своих интерпретаций правительственных реформ социальной сферы и их последствий, доминирующей экономической модели, да и всех актуальных проблем и заметных событий общественной жизни. Как перехватить инициативу? Возьмем, например, этнические конфликты. Политкорректность как таковая не является позицией в общественной дискуссии, такой подход просто отдаёт всю тему, всю проблематику

реально происходящей дискуссии правым. Нельзя делать вид, будто проблемы нет. Та же этническая преступность существует. Но вопрос в том, как она организована системно. Какие социальные и классовые интересы, какие финансовые круги обслуживает. Тут этническое сразу же кончается, начинается политическое и социальное. Надо привлекать людей, заряженных на протест, но на непартийные площадки. Необходимо организовывать дискуссии «на злобу дня», анализировать со своих позиций то, что волнует большинство граждан. Такой анализ поможет на конкретном примере продемонстрировать провал всей системы, показать принципиальную неэффективность модели. Наши выступления должны быть не набором констатаций (и так всё ясно), а анализом, наводящим порядок в интеллектуальной разрухе. Проблемой для левых является и разрыв поколений. Разные поколения, сформировавшиеся в различных социальных условиях, могут приходиться к схожим выводам, думать об одном и том же, но у них разные культуры, различные системы ценностей и приоритетов, разный язык. И даже интерес молодежи к «советскому» отнюдь не означает буквально возможность (и желание) возврата к советскому опыту. Но такой возврат и объективно не возможен и не нужен, всё поменялось. На информационном уровне левым нужны собственные сети, координация усилий экспертов с левыми изданиями, а этих изданий — между собой.

Отчеты руководителей рабочих

групп и обсуждение отчетов состоялось на общем заседании после перерыва.

Денис Зоммер (СКМ, г. Москва) отметил, что в группе «Активистов» состоялась интересная дискуссия в рамках межорганизационного диалога. Выступали различные представители российского социалистического движения, говоря о вещах, понятных всем левым активистам. Рассматривались разные проблемы. Например, проблема общей левой идеологии, которая пока не сформирована, по крайней мере, в том виде, в котором ее могло бы понять и принять современное российское общество. Выступающими на секции были сформулированы предложения, как через развитие социально-протестной среды создать общую идеологию, которую можно предлагать обществу. Были предложения действовать через мощный профсоюз, который может вобрать левые идеи за счет деятельного участия в нем левых активистов. Все участники дискуссии подчеркивали, что на сегодняшний день у нас нет единой идеи, хотя каждый из нас относит себя именно к левым. Было отмечено, что некоторые процессы, происходящие сегодня в российском обществе, могут заставить многих людей выходить на улицы, но левые пока не могут собрать этих людей, привлечь в свои ряды. Велась дискуссия и на тему того, что первично, курица или яйцо: создание левой организации или самоорганизация общества. Были высказаны различные точки зрения, но доминировало мнение о преждевременности создания ле-

вой организации сегодня, хотя она может быть создана в будущем. Такая преждевременность связана с тем, что левые сегодня в России, и это подчеркивалось большинством участников секции, находятся на уровне формирования кружков.

Затрагивались также проблемы работы с пролетариатом. Сошлись во мнении, что рабочие готовы сотрудничать с левым активом в рамках какой-либо организации только в том случае, если это непосредственно затрагивает их интересы. При этом доминируют материальные, экономические, а не политические или социальные интересы. Рабочий сегодня не является активной социальной, политической единицей, он вынужден зарабатывать себе на жизнь. Так же высказывались мысли о том, что закон ФЗ-83 может всколыхнуть общество, и нужно учитывать это, делать упор на социальные проблемы в своей работе.

Высказывались идеи и по поводу практических, организационных задач: создание российского аналога фонда Розы Люксембург, формирование депутатского корпуса из представителей левой среды.

Говорилось также о том, что в России существуют профсоюзы, существует Конфедерация Труда, которая не так давно провела свой съезд и в ближайшее время может даже вступить в Народный Фронт Владимира Путина, но нужно создание и других независимых профсоюзов для активизации работы.

Критиковалась работа с рабочи-

ми и активистами социальных движений. Опять-таки отмечалась политическая пассивность рабочих, которые готовы воспринимать все происходящее только через собственную, личную проблему.

Подчеркивалась необходимость активизировать работу вокруг актуальных социальных проблем, например, закрытия детских садов, закрытия школ и больниц, реструктуризации социальной сферы, то есть активнее работать там, где есть сегодня реальная почва для социального протеста. Но основная мысль, высказанная в этой связи, сводилась к тому, что люди сегодня в массе не готовы к самоорганизации. Зачастую левые активисты организуют для той или иной группы граждан, в их поддержку, акцию, а те, ради кого эта акция организуется, либо пребывают в неведении, что происходит и почему, или воспринимают как данность то, что кто борется за них.

Семен Борзенко, дополняя выступление Дениса Зоммера, отметил, что на секции поднимались вопросы формирования левого движения снизу и сверху, активно выступали представители независимых коммунистических движений, таких как «Красноярский Союз Коммунистов», «Ставропольский Союз Коммунистов». Люди подтвердили свою готовность развивать движение снизу, вступать в коалиции, координировать свою работу с другими. Более того, было отмечено, что если, даже при условии развития низовых движений, не будет координирующего центра, который смог

подвести подо все низовые движения единый знаменатель, развитие этих низовых структур может очень быстро остановиться. Этот момент нужно осмыслить всем, в том числе и московским товарищам, потому что сейчас от Москвы ждут работы по такому пока неформальному объединению.

Было очень интересное выступление, одно из последних, в котором были неожиданно поставлены акценты, перпендикулярно всему предыдущему разговору. Это выступление Владимира Перевозщикова, активиста КПРФ из Кирово-Чепецка, депутата Кирово-Чепецкого Совета, мастера градообразующего предприятия. Это левый активист, депутат и пролетарий в одном лице. Он рассказал о своем опыте периода, когда он баллотировался в депутаты. Жители района жаловались ему, что уже несколько лет ни администрация, ни ЖЭК, словом, никто не может решить одной проблемы – спилить тополя, которые уже стали угрожать жизни и здоровью жителей. Владимир пошел в ЖЭК, стал готовить необходимые бумаги, уговаривать решить проблему, ему обещали через год или полгода, объясняли, что того или другого не хватает для решения проблемы, ничего не двигалось. Тогда он просто подъехал с пилой ночью, спилил эти тополя и решил проблему. Через неделю он стал депутатом Кирово-Чепецкого Совета. Разумеется, о его поступке узнали все жители. И хотя он поступил формально незаконно, все одобрили его поведение, ведь человек решил вопрос. Семен Борзенко признался, что эта исто-

рия заставила его задуматься над тем, что много говорится о том, как левые активисты должны взаимодействовать с людьми на территории или на предприятии, а иногда самыми эффективными оказываются самые простые решения. Когда человек просто берет на себя ответственность, делает, а потом побеждает.

И в заключение выступления Семен Борзенко сказал: «Желаю нам всем победить!»

Иван Овсянников (Российское Социалистическое Движение, МПРА, Санкт Петербург) выступил с небольшой ремаркой. Он сказал, что сложно суммировать различные мнения, высказанные в дискуссии представителей различных организаций и течений, но ему бы хотелось сформулировать обобщенно позицию, которую отстаивало большинство активистов Российского Социалистического Движения относительно взаимодействия с профсоюзными, рабочими и социальными движениями. Эта позиция заключается в том, что развитие левого социалистического движения в России, которое действительно могло бы влиять на политику и на власть, связано с развитием самоорганизующихся структур: рабочее движение, различные гражданские движения и т.д. и т.п. И политическая организация представляет собой своего рода элиту рабочего движения. И перед левыми на нынешнем этапе стоят две задачи. Во-первых, левые сами должны создавать ту почву, на которой впоследствии может вырасти политическая ор-

ганизация, способствуя укреплению и усилению низовых структур и самоорганизации. Прежде всего, это, конечно, боевые профсоюзы и структуры, подобные Центру взаимопомощи рабочих, другие гражданские объединения. Левые должны не подменять собой социальные движения, а содействовать созданию постоянно действующих структур, которые не распались бы с решением локальных проблем. Во-вторых, задача левых заключается не только в помощи людям в их самоорганизации, но и во внесении неких идей, политических идей, идей по преобразованию общества, социалистических идей. На все вопросы, которые ставит перед трудящимися жизнь, левые должны давать очень четкие ответы, ответы в русле левых идей, поскольку только такие ответы сегодня являются единственно адекватными. Сложно бывает найти правильный баланс в решении этой двойной задачи, но левые обязаны его найти и решать обе эти задачи. И в заключение своего выступления И. Овсянников заметил, что не согласен с мнением Б. Кагарлицкого о том, что создание левой организации до развития массового движения – это не работающая схема. Он отметил, что для выполнения названных им задач – содействие самоорганизации общества и пропаганда социалистической идеи – организация нужна. Нужны организаторы, пропагандисты, идеологи, активисты, и все это может дать только организация.

Борис Кагарлицкий рассказал об итогах дискуссии на секции «Эксперты». Он отметил, что экспертов

было меньше, чем активистов, и дискуссия была не острой, а скорее, прагматичной. Первый вопрос был сформулирован так: что может левое экспертное сообщество сделать для того, чтобы влиять на происходящие процессы и стать фактором общественного движения. Второй вопрос заключался в том, какие для этого имеются средства и какие могут быть использованы возможности. И третий вопрос, более общий, был о стратегии интеллектуальной, экспертной работы с учетом более амбициозных целей, связанных с борьбой за гегемонию. Вопрос о том, как левое экспертное сообщество ставит перед собой задачу стать не просто поддержкой социального движения, а выступить в качестве политического интеллектуального ядра, которое пытается не только противостоять неолиберализму, но и выдвигать собственные идеи, претендующие на определенное доминирование, на определенную популярность и успех в обществе. Параллельно делались некоторые выводы относительно того, что собой представляет социальный протест и какие формы социального движения, солидарного действия наиболее актуальны сегодня. Очень важный момент – все ресурсы ограничены: и человеческие ресурсы, и финансовые, и время и т.п. Поэтому очень важен вопрос о том, на каких направлениях сосредоточить внимание и силы.

В ходе обсуждения была высказана мысль о том, что социальный протест будет сосредотачиваться на тех проблемах, которые значимы для общества в целом. Поэтому для

нас, подчеркнул Кагарлицкий, особенно важны именно такие формы и поводы социального протеста. Поэтому уделяется внимание ФЗ-83, образованию, жилью и т.п. Это проблемы, которые значимы для общества в целом. Очень важно, что левые эксперты должны выступить для общества интерпретаторами происходящих событий. И поэтому скоординированная работа левого экспертного сообщества состоит в том, чтобы стать интерпретаторами событий, задавая определенную повестку дня. Это не комментарии, это формирование повестки дня для общества. События на Манежной площади, например, можно интерпретировать как хулиганскую выходку, можно – как путч неофашистов, а можно подать их как гражданское движение русских людей против кавказской оккупации. Очень важно, чтобы левые добивались доминирования своих интерпретаций. А они, между тем, порой боятся поднимать большие для себя вопросы, отмалчиваются. В частности, тему межэтнических конфликтов левые, как правило, не обсуждают или интерпретируют в виде неких общих лозунгов типа «За интернационализм». Тем самым левые отдают поле дискуссии, интерпретации этих процессов наиболее реакционным, наиболее мрачным и отвратительным идеологам. Или, в лучшем случае, либералам, которым, заметил Б. Кагарлицкий, левые нередко подпевают, вместо того, чтобы дать собственную интерпретацию события или процесса. Простейший пример с распространением цыганами наркотиков на Урале. Есть либеральная интерпретация, жале-

ющая бедных оклеветанных цыган, есть фашистская версия, в которой цыгане продают наркотики русским молодым людям с коварной целью известить русскую нацию. Но можно дать объективное, рациональное объяснение: цыган используют наркоструктуры, которые сами, отнюдь, не этнические, не этническими являются причины и цели их создания и функционирования. И участие цыган в наркобизнесе не связано с их этнической принадлежностью или особыми антирусскими целями. С другой стороны, цыгане-участники наркобизнеса не должны пользоваться у левых сочувствием или симпатией. Но корень проблемы-то не в том, что они цыгане. А в том, что они участвуют в наркобизнесе, соответственно и акценты при анализе ситуации нужно смещать. Но если левые просто не будут вступать в борьбу интерпретаций, то они отдадут поле самым мрачным и реакционным силам. Итак, первый момент обсуждения: борьба за инициативу на поле интерпретаций.

Далее обсуждались тактические шаги: будут делаться экспертные доклады силами ИГСО и с привлечением различных экспертов, нужно организовывать информационные кампании, например, в поддержку образования, на определенной идеологической платформе.

По словам Бориса Кагарлицкого, дискуссия на секции довольно перешла к тематике, заявленной на завтрашний день – об информационной политике и журналистике. Это понятно, ведь эксперты не работают на общество напрямую. Для

того чтобы экспертное мнение было доведено до общества, оно должно кем-то подаваться, тиражироваться, предъявляться. Именно поэтому дискуссия свернула на тему информационной стратегии и тактики, на тему так называемой информационной герильи, то есть работу через буржуазные, раскрученные СМИ. Обсуждалась возможность и создания собственных информационных каналов.

Участники секции согласились в том, что задачей левого экспертного сообщества является демонстрация и объяснения провала системы при анализе и обсуждении конкретного вопроса или проблемы. Задача состоит не только в том, чтобы ругать, но и в том, чтобы задавать определенную направленность критике, придавать ей стратегический смысл, выявлять системные противоречия. Сама по себе социально-экономическая и политическая система, особенно в России, не вызывает особого одобрения. Люди могут иметь определенные иллюзии по поводу капитализма вообще, но по поводу российского капитализма сегодня уже мало у кого есть особенные иллюзии. Это уже немного напоминает ситуацию из известного советского анекдота, в котором мужчина раздает на Красной площади пустые листовки, а на вопрос сотрудников КГБ, почему же он раздает листовки без текста, отвечает: «А зачем писать, и так все ясно». Мы сейчас оказались, отметил Борис Юльевич, вроде бы, в ситуации, когда всем все ясно. Но не все так просто, потому что, если негативная оценка существующего положения

вещей достаточно распространена, то объяснение сложившейся негативной ситуации является сегодня еще открытым вопросом. Задача левой экспертной среды и состоит в том, чтобы путем совместных скоординированных усилий давать системное объяснение сложившейся ситуации, распространять собственную оценку того, что происходит и почему это происходит, почему нужны соответствующие изменения. Именно поэтому логика анализа социальной реальности должна быть направлена на выявление системных противоречий, а не на констатацию отдельных практик, которые сегодня сами по себе более чем скорректированы в обществе.

Высказывались мнения о том, что сегодня критические высказывания достаточно популярны, но они сами по себе отражают разруху, царящую в головах. Некоторые эксперты, например, Сергей Кургинян, Анатолий Вассерман, пользуются популярностью не только потому, что они критикуют существующие порядки, но и потому, что они механически воспроизводят ту идеологическую и теоретическую путаницу, которая царит в головах граждан. В этих «говорящих головах» зритель узнает себя, как в зеркале. Левые же должны вести работу по преодолению информационного хаоса, должны бороться с разрухой в головах.

Был высказан также тезис о том, что левые сегодня имеют уникальные культурные возможности: они могут стать интеллектуальной и культурной силой, способной преодолеть разрыв между поколениями.

Для преодоления сегодня разрыва между советскими и постсоветскими поколениями необходимо выстроить такой социально-культурный контекст, последовательно создавать который могут только левые. Но левые в этом случае должны отказать от советской ностальгии, от идеалистического восхваления Советского Союза, потому что это как раз способствует углублению поколенческого разрыва. Необходимо, разумеется, использовать накопленные благодаря советской истории традиции, навыки, лексику, но не эксплуатировать советскую ностальгию, идею «советской реставрации». Социокультурный разрыв между поколениями, подчеркнул Б. Кагарлицкий, должен преодолеваться за счет апелляции к советской традиции, если не к социальной справедливости, то к социальной защищенности, к социальному государству. Это одна из ключевых работающих идей, привлекательная для разных поколений.

Далее на секции, рассказал Б. Кагарлицкий, обсуждались общие вопросы координации деятельности, в том числе обсуждался вопрос использования социальных сетей. Общий вывод состоял в том, что нужно не подменять традиционную информационную работу в электронных и бумажных СМИ, но использовать новые методы, использовать возможности социальных сетей для координации и интеграции. Facebook, например, не заменит сам по себе сайты или газеты, но красочно их дополнит, соответственно, существует и обратное дополнение: традиционные СМИ дополняют со-

циальные сети в информационной работе.

Борис Кагарлицкий упомянул побочную дискуссию, возникшую на секции, которая пересекалась с дискуссиями политических активистов. Было отмечено, в частности, что очень важно бороться на выборах, но большинство участников обсуждения не были в восторге от этой идеи. Высказывалось мнение такого рода: допустим, мы сосредоточим огромные усилия на том, чтобы провести в тот или иной законодательный орган одного депутата, а о нем, может быть, никто и не узнает. Подчеркивалось, что соотношение сил не позволяет сегодня левым надеяться на большее. Борис Кагарлицкий ответил, что он лично не согласился бы с такой пессимистической оценкой, напомнив Фиделя Кастро, который действовал и победил, имея всего 12 человек против целой армии Батисты. Задача заключается в том, подчеркнул Б. Кагарлицкий, чтобы иметь стратегию и тактику, позволяющие менять сложившееся соотношение сил, а различные консервативные тактики левого движения по существу представляют собой разные способы адаптации к негативной ситуации, к неблагоприятному для левых соотношению сил, способы принятия сложившейся ситуации. Задача же левых состоит в том, чтобы менять, ломать сложившуюся ситуацию. Борис процитировал слова Гии Жоржолиани о том, что задача левых состоит не в том, чтобы выжить, сохранить себя в качестве левых. Задача состоит в том, чтобы менять систему. Борис Кагарлицкий подчер-

кнул, что это очень важный вопрос, это вопрос борьбы за власть. И если вопрос так не ставить, то смысла в деятельности вообще, и в нынешнем собрании в частности, просто нет. Совершенно логично поэтому, что дискуссия экспертов перекликалась в определенной степени с дискуссией активистов.

Ставился вопрос и о рабочем движении. Высказывались идеи о том, что много говорится о возможностях левых помочь рабочему и профсоюзному движению, но нужно ставить вопрос и о том, а как профсоюзы могут помочь левому движению. Профсоюзы, особенно в том виде, в котором они сегодня существуют в России, не являются самостоятельной ценностью и самоцелью, учитывая, что большинство трудящихся в профсоюзы не организованы. Встает вопрос о политической организации. Вспомнив высказывание Ивана Овсянникова, Борис Кагарлицкий заметил, что вопрос состоит не в том, нужно или не нужно создавать левую политическую организацию. Ее, безусловно, нужно создавать. Вопрос в том, как, через что ее создавать, каковы пути к реальному созданию такой организации. Это еще и вопрос о том, на чем сосредоточить свои усилия, на что бросить силы. А силы ведь ограничены, мало ресурсов, мало людей, нельзя позволить себе расплывать усилия между различными направлениями. Очень важен также вопрос о том, все ли из тех, кто готов сегодня работать с левыми, в том числе и по стратегическим направлениям, готов сегодня вступить именно в левую организацию.

Значительно число людей, близких левым по взглядам, в декларативно левую организацию не вступят по целому ряду совершенно понятных причин. Речь идет даже не об идейных разногласиях, личных симпатиях или антипатиях, а просто о тактических причинах и соображениях.

В заключение, уже выходя за рамки дискуссии на секции, Борис Кагарлицкий заметил, что ресурсов мало, а нас всех ждет обострение экономического и социального кризиса. Это пока только рабочая гипотеза, но более чем обоснованная. Поэтому тактика малых дел, тактика постепенного собирания сил, с расчетом на то, что через 20 лет мы можем что-то создать, может себя не оправдать, несмотря на то, что подобная тактика кажется очень реалистической. Но ответ состоит в том, чтобы ориентироваться уже сегодня на социальные коалиции вокруг вопросов, требующих общественного решения. Так, например, проблемы социальной сферы не поддаются индивидуальным решениям, требуют общественных усилий, серьезных социальных преобразований. И левые должны становиться в таких коалициях ядром, основой, работать на консолидацию и укрепление этого движения. Именно в процессе укрепления и развития этого социального движения сами левые будут консолидироваться и будет формироваться левая организация. Речь идет о том, что консолидация левых как серьезного массового движения возможна лишь в процессе практической работы по созданию широкой социальной коалиции, противостоящей неолиберальным

реформам.

Анна Очкина рассказала о том, что происходило на секции «**Практиков**», подчеркнув, что разговор на секции складывался очень интересно. Секция началась со своего рода самоотчетов людей, состоящих в различных инициативных группах и социальных движениях. Представители движения «Питерские родители» подтвердили, что ситуация с дошкольными и в целом образовательными учреждениями тяжелая не только сейчас, но и в перспективе. Ожидаемая ситуация, если учитывать доминирующие тенденции, даже хуже той, что сложилась в настоящий момент. Мария Медведева рассказала о деятельности «Питерских родителей». Интересным А. Очкиной оказался вопрос, заданный Марии Медведевой одним из участников секции. Вопрос был такой: «Допустим. Построят все детские садики, которые вам нужны, сохранят все школы, которые вы защищаете. Словом, если выполнят все ваши требования, у вас больше не будет претензий к власти?» Все участники секции, по словам Анны, были согласны в том, что для того, чтобы этого добиться, понадобится как раз вся их жизнь, вряд ли удастся дожить до такой ситуации. А. Очкина напомнила, что происходят и более серьезные изменения в социальной сфере, не только закрытие отдельных детских садов и школ: начинает действовать закон ФЗ-83, назревает новый закон об образовании, который вряд ли будет существенно улучшен и т.п. Однако выступления участников секции показало, что без обсужде-

ния локальных проблем обойтись все же нельзя.

Было отмечено интересное выступление Дмитрия Бабича о ситуации в прессе. Из этого выступления следовало, что пресса не является надежным союзником прессы, так как свободной прессы, по словам Д. Бабича в России не существует.

В связи с разговором о взаимоотношениях журналистов с собственниками СМИ был поднят вопрос о том, что люди, занятые интеллектуальным трудом, работники социальной сферы – учителя, врачи, преподаватели, журналисты, – оказываются сегодня зачастую более зависимыми от работодателя, чем рабочие, как бы это не показалось странным. Анна Очкина отметила, что сотрудники ИГСО сталкивались уже с такой проблемой, когда организовывали семинар профсоюза работников кино и телевидения. Обнаружилось, что при номинально высоких зарплатах работники в этих сферах оказываются часто в полурабской зависимости от работодателя. Даже если нет «серых» схем оплаты труда, то зависимость обуславливается тем, что заменить учителя работодателю всегда проще, чем заменить рабочего, особенно квалифицированного. Профессиональные способности шахтера, плотника и т.п. более очевидны, чем профессиональные способности учителя. Работодатель объективно заинтересован в хорошем, квалифицированном рабочем, а хороший учитель для него – в первую очередь послушный учитель, как он учит – вопрос более чем второстепенный.

В интеллектуальной, социальной сфере размыты критерии качества деятельности. Кто, например, лучший экономист: Карл Маркс или Анатолий Чубайс. С точки зрения рынка, безусловно, Чубайс лучше, просто потому, что он богаче. Сегодня значительная часть наемных работников заняты в сфере услуг, и необходимо учитывать специфику труда в этой сфере, специфику социально-экономического положения ее работников. Анна Очкина заметила, что левые мало оговорят об этой категории работников, а ведь необходимо решать, что делать с ними. Могут ли левые просто ожидать, что со временем эти категории примкнут к ним, или нужно специально работать в этих сферах? Этот вопрос до сих пор открыт.

На секции были интересные выступления руководителей и членов Центра взаимопомощи рабочих (ЦВР). Опыт ЦВР является уникальным в России и чрезвычайно ценным для левого движения. Справедливым было замечание Петра Принева, основанное на опыте ЦВР, что принцип организации профсоюзов на основе первичек на предприятиях крайне неудачен, он должен быть заменен территориальным или отраслевым принципом объединения. Это гарантирует гораздо большую защищенность членов профсоюза, позволяет избежать полного контроля работодателя над профсоюзом.

Анна Очкина призналась, что ее потрясло выступление Натальи Чернышевой, аудитора с большим стажем. Наталья отказалась от больших заработков в сфере аудита

потому, что ей надоело подписывать фальшивые финансовые отчеты. Она создала независимую некоммерческую «Организацию народного контроля». А. Очкина напомнила собравшимся сцену из кинофильма Э. Рязанова «Гараж», когда один герой спрашивает, дескать, неужели еще сохранились белые вороны, на что другой герой отвечает: «Знаете, в природе их почти не осталось, но у нас есть». Наталья Чернышева рассказывала о деятельности своей организации и, в частности, о том, что существует малоизвестный закон ФЗ-8, согласно которому каждый гражданин может проверять финансовую деятельность любого учреждения, предприятия или организации в том случае, если это не связано с государственной тайной. Печально прозвучали слова Чернышевой о том, что приходится уговаривать людей воспользоваться этим правом. В связи с этим поднималась большая для социальных движений проблема – проблема вовлечения людей, проблема солидарности, активности в борьбе за свои собственные права. Об этом говорили и Петр Принев, и Дмитрий Кожнев, этот мотив звучал в выступлениях всех участников. Замечательно в связи с этим высказывание о том, что те трудовые и социальные права, которыми мы еще пользуемся сегодня, являются для нас, по сути, наследственными правами, нынешними поколениями наемных работников они не завоевывались. Сегодня мы только теряем эти права, и, может быть, потому теряем их без должного сопротивления, что не боролись за них, не отстаивали их сами, а просто получили в качестве

исторического наследства.

Сходные мотивы звучали и в выступлении представителя инициативной группы МГУ Александры Запольской. Сегодня в России существуют все объективные условия для развития студенческого движения. Тем не менее, несмотря на отдельные проявления активности студентов – письмо студентов с требованием отставки министра Андрея Фурсенко, более или менее активные действия инициативной группы социологического факультета МГУ и т.п., – говорить о скольконибудь серьезном массовом студенческом движении не приходится. Александра Запольская высказала мысль, которую Анна Очкина сочла подходящей для того, чтобы стать лозунгом всех социальных движений. «Удивительно и печально, что, несмотря на все условия для существования студенческого движения, его у нас нет. Поразительно и радостно, что, несмотря на все препятствия для существования студенческого движения, оно у нас все-таки есть». Это можно отнести ко всем российским социальным движениям, которые сегодня слабы, имеют большие проблемы координации своих действий, проблемы взаимодействия, но, в то же время, удивительно и радостно, что они все-таки существуют.

В заключение своего выступления Анна Очкина сказала, что общим итогом работы группы могут быть следующие выводы. Конечно, брать в качестве политической программы идею так называемых малых дел бессмысленно, хотя бы пото-

му, что пока мы будем, может быть, даже успешно, добиваться решения локальной проблемы в одном районе, все то же самое будет происходить в другом месте. Проблемы будут появляться снова и снова, поскольку существует определенная концепция и тенденция деятельности правительства в социальной сфере. Но это не означает бесперспективность или второстепенность для левых малых дел. Малые дела, помимо того, что они способствуют решению конкретных социальных проблем, пусть и локальных, позволяют решать и более общие задачи. Все участники секции подтвердили, что вовлечение людей в решение конкретных проблем позволяет воспитывать солидарность. Добиваясь успеха в решении своих проблем, люди обретают уверенность, понимают действенность социального протеста, социальной активности. Именно через локальные, частные инициативы можно развивать межотраслевую и даже межрегиональную солидарность. Это убедительно доказывает, например, опыт ЦВР. Локальные победы создают эффект доверия к социальным движениям. Так, движение родителей, появившись практически ниоткуда, спровоцированное во многом законом ФЗ-83, заслуживает все большее уважение и становится широко известным. И это несмотря на то, что, как заметила Александра Запольская, почти все постсоветское время в России социальный протест был маргинализирован в общественном сознании, и, соответственно, социальные активисты считались чуть ли не сумасшедшими. Такая оценка роли социальных движений

не является утопичной потому, что при существующем состоянии социальной сферы, вызывающем всеобщее беспокойство, рано или поздно (а скорее, рано) может возникнуть эффект «снежного кома», начаться интенсификация социального протеста в рамках социальных движений. Поэтому очень важно, чтобы эти движения работали, чтобы они поддерживали друг друга, демонстрировали прецеденты успешного решения конкретных социальных проблем.

Однако, как опять-таки отмечали все участники секции, необходимо бороться с главной проблемой социальных движений – с их неустойчивостью. Успех или, напротив, абсолютная неудача в решении определенной проблемы часто влекут за собой распад социальных движений. Развитие деятельности заключается здесь и в создании механизмов контроля над исполнением требований, контроля над сохранением того, чего добились социальные активисты.

Далее Очкина предложила кому-нибудь из участвующих в работе группы дополнить ее выступление, так как не все успели выступить.

Дмитрий Бабич (РИА-новости, Москва) говорил о проблеме солидарности как о ключевой для социального и протестного движения в современной России. Он сказал также, что капиталистическая свобода прессы в России, безусловно, есть. Вопрос заключается в том, для кого и для чего эта свобода. Кампания в поддержку Ходорковского и Магницкого демонстрирует солидарность

олигархов. И журналисты вполне могут обслуживать такую солидарность, пользуясь буржуазным вариантом свободы прессы. А вот выразить солидарность с мамами в Санкт Петербурге, которым не хватает детских садов, журналисту будет гораздо сложнее.

В действиях российской власти отчетливо видны, по мнению Бабица, три приоритетные цели. Первая – удержание власти в руках определенной элиты, вторая – интеграция российской элиты в западную, поскольку будущее все-таки там, и третья цель – замена советских социальных гарантий на платные социальные услуги. На эти три приоритетные цели и заставляют работать большую часть прессы. С другой стороны, люди сами зачастую позволяют навязать себе ту повестку дня, которая кому-то нужна. Кому-то сегодня в России обязательно нужно представить дело так, что борьба за освобождение Ходорковского и есть ключевой момент российской демократии. Это и есть солидарность олигархов, и на это работает капиталистическая свобода прессы. Когда нужно защищать журналистов, уволенных за убеждения или за народ, права которого нарушаются, та же солидарность олигархов пресекает всякую возможность гласности, свобода слова заканчивается.

Поэтому, отметил Д. Бабич, говорить сегодня нужно не о рабочем движении, а о движении трудящихся. Интеллигенция сегодня пострадала даже больше, чем рабочие. Дмитрий аргументировал свою мысль тем, что работники интел-

лектуальной сферы ущемляются не только в своих трудовых, но и творческих правах, прессинг рынка, усиленный прессингом власти, распространяется на само содержание труда. Сегодняшнее наступление на образование – это наступление и на интеллигенцию как на социально-профессиональную группу.

Сегодня необходимо бороться за объединение всех левых сил общества. Необходимо переосмыслить задачи левых сил, нельзя пользоваться заготовками начала 20-го века, общество сильно изменилось и усложнилось с того времени. Нельзя ограничиваться профессиональной солидарностью – это утопия. Внутри одной отрасли власти ничего не стоит задавить любой протест. А вот межотраслевая солидарность – это другое дело, это серьезно.

Аристарх Ковалев (социальный активист, Москва) напомнил об объединении свободных профсоюзов, об объединении КТР и ВКТ, которое произошло сравнительно недавно и стало результатом долговременной низовой тенденции. В рамках новой структуры – Конфедерации Труда России (КТР) – объединились, по словам Ковалева, люди разных политических и идеологических взглядов, люди рабочих профессий. Алексей Ковалев отметил, что это упрек интеллигентам, которые никак не могут договориться между собой. Он подчеркнул, что в левой среде любят повторять тезис об отсутствии рабочего класса и напомнил, что в 1917 году промышленных рабочих было около двух с

половиной миллионов, сегодня же в России армия промышленного пролетариата составляет более 25 миллионов. Говорить об отсутствии рабочего класса сегодня – это заниматься самоуспокоением или даже отказываться от реальных действий. Рабочий класс – это мощная сила, на которую могут опираться действующие, желающие реальных общественных изменений партии, и другой силы нет.

Новое рабочее объединение сегодня, утверждал Ковалев, ставит не только экономические, но и политические задачи. Ему необходимо собственное политическое строительство, потому что оно отказывается от всяческой помощи думских фракций, в том числе и фракции КПРФ. Эти объединения собираются предложить собственную модель развития, называемую коммунистической. По факту же, идеи, выдвигаемые лидерами и активистами нового профсоюзного объединения, соответствуют базовым положениям социалистической теории. В том числе многими ставится вопрос не о защите труда, а об освобождении его от эксплуатации вообще. Это не декларированный, осознанный, опирающийся на теорию социализм, но это стыдливый, стихийный рабочий социализм. Это именно та идеология, которая сегодня нужна.

В заключение А. Ковалев отметил, что новое профсоюзное объединение выразило готовность к объединению с социальными движениями и политическими партиями для решения общих задач.

Петр Принев (ЦВР, Санкт Петербург) сказал, что все выступающие забыли упомянуть о том, что мы сегодня находимся в самом начале формирования культуры протеста. Мы не умеем, сказал он, за редким исключением, протестовать ни по отдельности, ни сообща. Сегодня почти полностью утрачена культура солидарного протеста. Необходимо, добавил П. Принев, обобщать и унифицировать протестный опыт, набираемый различными организациями и движениями, для чего необходимо наладить полноценное информационное взаимодействие.

После выступления П. Принева **Анна Очкина** предложила участникам различных групп задавать вопросы друг другу и комментировать работу друг друга.

Александр Желенин (журналист, Москва) отметил, что расширение и развитие левой среды невозможно без четких представлений о социальной структуре современного общества. Прежде всего, необходимо уточнить понятие «наемный работник». Наемными работниками сегодня является большинство российских граждан. Сегодня, по словам А. Желенина, стираются грани между умственным и физическим трудом, как за счет автоматизации труда, так и за счет нивелирования различий в условиях труда между привилегированными когда-то профессиями и остальными сферами деятельности. Сегодня, например, большинство представителей когда-то свободных профессий (программисты, журналисты) стремится к более или менее гарантированной

и постоянной занятости в крупной компании. Таким образом, бывшие «свободные художники» становятся обычными клерками, зависимыми «пролетариями умственного труда», происходит массовая пролетаризация, в том числе и привилегированных в прошлом профессий, интеллектуальных профессий. Если сравнить уровни зарплат «офисного планктона» и квалифицированных рабочих, существенной разницы, по словам Желенина, увидеть нельзя. Александр Желенин констатировал слияние двух, в недалеком прошлом очень различных, слоев в общую массу работников наемного труда – пролетариат. Но собственно рабочий класс, согласился Александр с выступлением А. Ковалева, тоже не исчез. Самую же черную работу сегодня выполняют гастарбайтеры, и это тоже часть пролетариата.

Дмитрий Клевцов (ЦВР, Санкт Петербург) отметил, опираясь на свой опыт работы в ЦВР, что значительная часть представителей профсоюзов и социальных движений не понимают отчётливо, что такое правое и левое в политике. Он призвал левых быть аккуратней с терминологией, считаться со своей предполагаемой аудиторией. Сравнение с пролетариатом, заметил Дмитрий, может, например, оскорбить кого-то из «белых воротничков». Для человека, столкнувшегося с конкретным проявлением произвола власти – у него ломают гараж или его выселяют из общежития, например, – различие между левой и правой идеологией, отношения собственности и прочее не понятны, а часто и не интересны. Более того, такие терми-

ны и рассуждения могут оттолкнуть людей. Опыт ЦВР, отметил Клевцов, показал, что в рамках одной организации могут взаимодействовать, работать на общую цель люди с различными политическими взглядами. ЦВР – не политическая организация, в которую входят политические организации, общественные объединения, граждане и т.п. Не надо отталкивать людей с другими взглядами, если с ними можно работать в рамках конкретного проекта. В рамках совместной работы с различными общественными объединениями и гражданами, подчеркнул Дмитрий, у левых больше шансов завоевать авторитет в обществе, добиться признания своей деятельности и своих идей, чем в условиях идейной «чистоты». «Мы все живем в одной стране, – завершил свое выступление Д. Клевцов, – у нас есть общие интересы. Давайте же находить общий язык в рамках координирующих структур и сообща защищать эти интересы».

Дмитрий Кожнев (МПРА, Калуга) выступил оппонентом Дмитрия Клевцова. Он заявил, что политические взгляды не являются чем-то абстрактным. Объективно эти взгляды обусловлены социально-экономическим положением, социальной ролью индивида или группы. Конечно, речь не идет о ситуациях, не связанных непосредственно с социальной системой. Гараж, например, могут сломать при любой общественной системе и у любого гражданина. Даже у олигарха гараж могут сломать другие, более крутые олигархи, пошутил Дмитрий. Но как только мы касаемся более

принципиальных вопросов, связанных с социально-экономическим положением людей, мы не можем действовать в условиях идейной неопределенности. Говоря о том, что не нужно никого разделять в рамках гражданских инициатив, необходимо помнить, что гражданами являются и рабочий, и олигарх, но социально-экономические интересы у них не просто разные, а противоположные. Нужно исходить из классового контекста. Вот, например, либералы и коммунисты вместе протестуют против чего-то, они согласны, все вроде бы хорошо. Но Дмитрий напомнил, что как только заходит речь о существенных вещах, о принятии принципиального закона, например, как только поднимается вопрос о собственности, различие, даже антагонизм интересов проявляют себя очень ярко. Допустим, либералы борются за уменьшение контроля государства над бизнесом, за освобождение его от государственной опеки. Такой закон бьет, прежде всего, по интересам рабочего класса, так как сокращает возможности защиты рабочих мест и условий труда. Необходимо четко осознавать существование объективных классовых противоречий, объективных классовых интересов. Исходя из этого, подчеркнул Кожнев, левые должны ориентироваться на ту социальную группу, которая является для них классической. Идеология левого движения – это идеология наемных работников. И это не абстракция, а идеологизация экономических, социальных, политических интересов именно этой социальной группы.

Под конец выступления Дмитрий признался, что вынужден влить «ложечку дегтя в бочку меда от А. Ковалева», восхищающегося объединительным съездом КТР. Эту структуру, признался Кожнев, он знает не понаслышке, а изнутри, являясь ее работником. Очень здорово, отметил он, что был съезд, но каково сегодня реальное положение дел, насколько много работников объединено в структуры КТР? Очень немного. Более того, незначительный процент работников, даже являющихся членами структур КТР, активно и сознательно участвуют в их работе, в коллективных действиях. Это значит, что левым еще предстоит большая работа с рабочими и профсоюзными движениями. Дмитрий отметил, что для него, как для марксиста, очень важно смотреть на вещи открытыми глазами, без иллюзий. Работа предстоит большая и от того, как именно она будет делаться, кем, с какими мотивами, зависит результат.

Борис Кагарлицкий прокомментировал выступления, отметив, что он хочет поддержать всех высказывающихся относительно вопросов взаимодействия людей и движений разной политической и идейной ориентации, то есть поступить подобно раввину из еврейского анекдота. Тот выслушал аргументы конфликтующих сторон и согласился с каждой из них. Когда же его жена возразила, что спорная курица может принадлежать только одному из жалобщиков, но никак не обоим, раввин покорно сказал: «И ты, жена, права». Дело в том, сказал Б. Кагарлицкий, что мы не должны

смешивать разные уровни действия и разные уровни лексики. Прав Дмитрий Кожнев, что, по сути, речь не идет об индивидуальных симпатиях и предпочтениях. Дело в том, что в логике либеральной политики осуществляется та реформа образования, с которой мы боремся. И в этом смысле у либеральной оппозиции власти очень сложная проблема. С одной стороны, они ненавидят власть, причем искренне и глубоко, может быть даже эмоционально сильнее, чем левые. Это уже что-то личное, заметил Кагарлицкий, появляющееся от того, что либеральные оппозиционеры близки к власти в каком-то большом, глубоком смысле. Но, с другой стороны, несмотря на сильную личную ненависть, системных противоречий с властью у либеральной оппозиции нет, нет у нее и системной альтернативы. Да, как это ни странно, они готовы защищать отдельную школу, особенно потому, что это конкретный способ насолить определенным людям, находящимся у власти. Но при этом их видение системы образования, экономической политики, трудового кодекса, пенсионной и налоговой системы почти не отличается от видения власти. Либеральные представления, только еще более радикально рыночные, то есть еще хуже с точки зрения интересов трудящихся. И это объективные вещи, их трудно обойти, несмотря на индивидуальные симпатии. В молодежной правой среде, заметил Б. Кагарлицкий, немало симпатичных ребят, по-своему честных и самоотверженных, готовых лечь под ду宾ки и т.п.

Итак, не нужно смешивать уровни. Есть уровень повседневного общения с людьми, с теми же молодыми либералами, которые выходят протестовать 31 числа. Можно вспомнить слова Ильи Кормильцева из песни «Доктор твоего тела»: «Мы должны быть внимательны в выборе слов». Вопрос в том, как и с кем говорить. Мы должны быть внимательны в выборе слов. Мы можем говорить на своем языке в своем кругу, понимая друг друга, но мы должны понимать, что, разговаривая с широкой публикой, нередко ее отпугиваем. И отпугиваем не тем, что говорим неприятные для нее слова. Мы просто говорим непонятные слова или даже давно забытые. Когда Полина Колозариди разместила в Facebook анонс, где было написано про права рабочих, какая-то девушка отреагировала так: «Права рабочих – как это романтично! Повевало XIX веком, так интересно!» Наверное, предположил Борис, девушка никогда не видела ни одного рабочего, кроме гастарбайтеров, которых она рабочими не считает.

Что же касается КТР, то проблема не только в том, о чем говорил Дмитрий Кожнев. Если бы при ровно той же численности КТР, при ровно том же охвате качество всех организаций было другим, если бы они были боевыми, хорошо организованными, идеологически сплоченными хотя бы на уровне хорошей социал-демократии, все было бы уже сейчас великолепно. Но, к сожалению, это не так. Например, не было дискуссии по поводу документов, которые готовились для съезда, хотя она предполагалась теми, кто

эти документы готовил (документ готовился в ИГСО). Людям было не очень интересно, что они такое принимают на съезде. Вписали в документ слово «эксплуатация» и успокоились. А вопрос профсоюзов сегодня очень серьезен, именно поэтому взаимодействие профсоюзов и социальных движений принципиально. В том виде, в котором работают сегодня отдельно профсоюзы, – это тупик. И поэтому так важен опыт ЦВР, потому что это – вариант выхода из тупика, в котором находятся сегодня профсоюзы.

Степан Маленцов (Профсоюз «Защита», Санкт-Петербург) заметил, что не стоит так иронично говорить о добавлении в итоговый документ съезда КТР слова «эксплуатация». Это не случайное событие, оно выражает определённые процессы эволюции профсоюзного движения.

Следующей была секция

«Практика сопротивления: Международный опыт и российская специфика»,

модератор – **Елена Сергеевна Галкина** (доктор исторических наук, МПГУ, Москва). Открылась работа выступлением **Василия Колташова** (руководителя Центра экономического анализа ИГСО, Афины, Греция).

Василий Колташов. Я сейчас расскажу о том, что происходит в

Греции, начну с последних событий, чтобы дать присутствующим почувствовать реальность происходящего, а потом перейду к анализу тех процессов, которые стали причиной происходящего сегодня в Греции.

Не так давно в Афинах произошло очень заметное для Греции событие: массовые выступления граждан, недовольных политикой правительства, были жестоко разогнаны властями. Этот разгон стал темой активного обсуждения в прессе, тем более что он был проведен жестко, пострадали сотни людей, полиция действовала агрессивно, стараясь нанести наибольший урон демонстрантам. Полиция прибегала также к провокациям, запуская в ряды демонстраций «профессиональных погромщиков».

С одной стороны, это вызвало бурю негодования в обществе, но с другой стороны это стало ответом властей, ответом правительства ПАСОК (правительства социалистов) на растущее недовольство в обществе, недовольство политикой жесткой экономии, причем жесткой экономии далеко не только бюджетной.

Произошло это в день, когда в греческом парламенте обсуждались и голосовались последние предложения по спасению Греции. Премьер-министр Греции Георгиос Папандреу сказал, что главное сейчас – спасение Родины. Но один банкир так выразился о ситуации, сложившейся в Греции: «Нет никакой Греции, есть ее долг». И вот эта формула гораздо лучше отражает реальное положение вещей, отра-

жает ситуацию, сложившуюся в Греции. Правительство показало свою готовность агрессией отвечать на выражение недовольства гражданами. Напомню, кстати, что граждане, собравшиеся у парламента, как раз и хотели воспрепятствовать парламентариям проникнуть внутрь, старались не допустить на заседание депутатов, в том числе и депутатов правящей партии, имеющей большинство голосов и право формировать правительство. Сегодняшнее правительство ПАСОК показало, что на фоне риторики о спасении Родины оно готово действовать очень жестко.

Что же происходит в Греции? В декабре 2010 года – новый бюджет, предполагающий новые шаги по сокращению расходов. С этим бюджетом правительство связывало оптимистичные ожидания, обещая стабилизацию бюджета и беспроblemную оплату долга. Были приняты следующие меры: повышение косвенных налогов, сокращение социальных расходов. Правительство уверяло, что эти меры дали хороший результат, и уже в 2011 году Греция покажет экономический рост, ситуация стабилизируется, и все будет нормально.

Но уже в январе-феврале текущего года обнаружилось падение доходов бюджета. И власти вынуждены были начать подготовительную кампанию для проведения новых мер жесткой экономии. Были приняты новые меры: сокращение пособий многодетных семей, повышение косвенных налогов, масштабная приватизация, которая мо-

жет дать в бюджет около 50 млрд. евро. Население убедилось, что дальнейшие меры правительства приведут к дальнейшему ухудшению положения.

Экономическая статистика Греции за 2010-2011 год продемонстрировала ухудшение положения, в то время как другие страны могли показать некоторый рост. Например, в Германии, США или России ситуация выглядит относительно неплохо.

В то же время экономика Греции – в глубокой депрессии, а может начаться и новый виток кризиса, новое падение экономики. Падают объемы жилищного строительства (падение составляет около 40%), растет безработица (сегодня свыше 25% трудоспособного населения), около 40% молодежи – безработные.

Сектор малого бизнеса, который в Греции очень велик, испытывает серьезные трудности из-за сокращения потоков туристов и реальных доходов населения. Состояние сферы мелкой торговли, сферы бытовых услуг, строительства, то есть важнейших для греческой экономики секторов, очень тяжело, они теряют покупателей.

И в такой ситуации Греция должна выплачивать все возрастающий внешний долг. Я не случайно процитировал фразу банкира о том, что Греция – это ее долг. Назначение Греции в представлениях европейских финансовых кругов – выплачивать долг банкам, платить проценты по долгам. В самом начале греческого кризиса правительство

ПАСОК было первейшим агентом паники по поводу греческого дефолта, что привело в итоге к выплатам по государственным долговым обязательствам до 6%, что оказалось выгодным опять-таки банкирам. Такое противоречие между реальным и виртуальным (финансовым) сектором проявляет себя и в других странах. Но в греческой экономике существует еще одна интересная отрасль – морские перевозки. До кризиса налоги в этой отрасли составляли 1%, сейчас – 0%. В то время как население при покупке, например, мыла, должно платить 27% косвенного налога. Сейчас в Греции нелегко собрать прямые налоги с населения, но косвенные налоги собираются активно и являются довольно высокими.

До текущего момента социальный протест выглядел традиционно для страны. Прежде всего, в нем участвовало организованное рабочее движение, то есть организованное профсоюзами, часть из которых активно поддерживает коммунистическую партию Греции. Provocations и агрессия полиции в последних событиях не нанесли урона организованному профсоюзному движению. Но удар пришелся по новому элементу греческого протеста. Последнее время в социальные протесты вовлекаются наемные работники и мелкие буржуа (59% трудоспособного населения занято в сфере услуг), ранее не принимавшие в протестных выступлениях активного участия. Сегодня в Греции происходит включение большой массы прежде пассивных людей в протестную активность. Однако некоторая

вера в политиков, за которых были отданы голоса, сохраняется. Своими жесткими действиями власть, с одной стороны, защищает нынешнюю политику, а с другой стороны, сделала шаг, который может сильно радикализировать движение. Власть пытается запугать население, и шок в обществе, действительно, очень силен.

Перехожу к выводам. На чем бы я хотел остановиться в связи с Россией. Буржуазная греческая демократия оказывается недостаточной, хотя там она значительно более развита, чем в России: более реальными и обеспеченными являются свобода слова, свобода демонстраций, свобода забастовки и т.п. И все-таки эта демократия оказывается недостаточной для того, чтобы народ мог реально влиять на политику, реально повлиять на решения, которые определяют его судьбу. Люди, собравшиеся в Афинах у здания парламента, и хотели донести мысль: демос тоже может решать, с ним нужно хотя бы считаться. Что сделали власти, я рассказал. Это важнейший политический урок Греции.

Экономические уроки. Я думаю, что Греция сегодня дает образец того, как могут развиваться события в странах Европы. Показательные черты греческого кризиса: рост безработицы, упадок на строительном рынке, падение доходов населения, усугубляемое действиями политиков. Такое падение снижает доходы государства. Долг Греции постоянно растет, ситуация в экономике ухудшается, социальная напряженность

растет, растет протестная активность. Политически для Греции нет иного выхода, кроме радикального изменения всей системы. Если Греция поднимет налоги на капитал, из страны «уйдут» инвестиции, если введет налоги на морские перевозки, флот уплывет под другой флаг. Это неизбежно в рамках «открытой экономики». В рамках открытой экономики Греции не выйти из кризиса. Выходить из кризиса, вести эффективную экономическую политику Греция может только вместе с другими европейскими странами.

Греческий дефолт последует в компании с другими дефолтами. Но дефолта в Греции до Нового года, скорее всего, не будет, хотя консервативного переворота в Греции исключать нельзя. Однако в нынешней ситуации консервативная политика не имеет шансов. Экономика в глубокой депрессии, если падение еще не продолжится. Греческая трагедия – часть глобальной, общемировой трагедии, и смены правительства без изменения экономической модели не произойдет. ПАСОК, например, повело себя жестче, чем «честные неолибералы», не скрывающие своих намерений. И они обещают, кстати, что в следующем году Грецию ждет экономический рост. Спасибо.

Затем слово взял **Гия Жоржوليани**, профессор Тбилисского Государственного Университета им. И. Джавахишвили, руководитель Центра социальных исследований, лидер политического движения «Социал-демократы за развитие Грузии» (Тбилиси).

Гия Жоржوليани: Хочу поблагодарить организаторов конференции, спасибо большое за приглашение, я очень рад быть в России, участвовать в интересной дискуссии на самые актуальные темы. Анализ, подобный, например, представленному в докладе Василия Колташова, показывает, что ухудшающаяся экономическая ситуация актуализирует левые подходы и концепции. Сегодня это становится очевидным все большему числу людей. Экономический кризис становится политическим кризисом, и настает время для радикально иных идей и подходов, для серьезных людей, которых все, наверное, ждали последние 20-30 лет.

Прежде чем перейти к изложению своего видения актуальных сегодня политических задач, тактики и стратегии левых, хотелось бы остановиться на том, что же происходит сегодня в Грузии. В России сегодня у всех на слуху маленькая книжечка, выпущенная сотрудницей Высшей школы экономики «Почему получилось у Грузии?». Я читал только краткие выдержки и интервью, связанные с этой работой, но я могу вкратце рассказать вам, что же получилось в Грузии.

Приведу некоторые цифры и формальные показатели 2009-2010 годов. ВВП Грузии – 12 млрд. долларов, на душу населения – примерно 2 800 (для сравнения: в Армении, где не было таких радикальных неолиберальных реформ, – 3 000 долларов). Средняя заработная плата в Грузии – 350 долларов. Но это зарплата тех, кто имеет воз-

возможность работать по найму, потому что только 600 тысяч человек заняты в экономике как наемные работники, остальные вынуждены обеспечивать себе пропитание в натуральном хозяйстве. Всего же в Грузии трудоспособное население составляет около 2 млн. человек. Официальная безработица составляет 20%. Из 600 тысяч наемных работников половина занята в государственном, половина – в частном секторе. В сельской местности в Грузии проживают 47%, из них 90% занимаются сельским хозяйством, причем в основном – натуральным. То есть эти люди работают только ради элементарного пропитания. За рубежом больше грузинских граждан работают по найму, получают заработную плату, чем в самой Грузии, – примерно 700-800 тысяч человек.

Нужно отметить демографический срез социальных процессов в Грузии. Среди тех 40-45% эмигрантов, которые покинули страну, 80% – люди трудоспособного и репродуктивного возраста, от 20 до 50 лет.

Доля сельского хозяйства в грузинской экономике – 9% ВВП, на государственную поддержку сельского хозяйства выделяют 1,5% ВВП. Общемировая практика – 4,5% ВВП. Доля расходов на образование – 2,4% ВВП, а в бюджете – 6%. Доля государства в расходах на здравоохранение составляет менее 20%, расходы на науку — около 0,2% от ВВП, расходы на образование в два раза меньше, чем в «новых» членах ЕС и в три раза меньше, чем в старых.

В науке дела обстоят следующим образом: это 0,22% от ВВП. Можно сравнить с Финляндией, близкой к Грузии по численности, где доля расходов на науку составляет 4%, а ВВП – 184 млрд. долларов. Еще одно: Грузия занимает 4-е место в мире по числу заключенных на душу населения (после США, РФ и Сомали).

По поводу знаменитого упразднения коррупции в Грузии. Коррупция поднимается на все более высокий политический уровень и профессионализируется. Сегодня и западные исследователи соглашаются с тем, что так как называемые «цветные революции» были крайне правыми, которые консолидировали до того неконсолидированных нелиберальных радикальных правых. Произошла колоссальная концентрация в руках правых – властных, экономических, информационных ресурсов и т.п. Политическая система Грузии не позволяет действовать в публичном политическом поле силам, желающим и предлагающим какие-либо изменения существующей системы.

Теперь о том, как мы видим наши цели, тактику и стратегию сопротивления неолиберальному режиму. Я бы хотел сказать, что скорректировал про себя название моего выступления. Если мы будем думать о том, как нам выжить, мы не выживем. Нам нужно думать о том, как нам победить, как нам найти оптимальные решения актуальных проблем, политические формы этих решений. Тогда мы и выживем и будем иметь перспективы.

Ситуация в Грузии серьезно отличается от российской. Грузия является идеальным образцом для российских неолибералов, последним оплотом наиболее консервативного, фашистского варианта неолиберализма. Запад имеет вообще для Грузии большее значение, чем для России. Но Запад имеет для Грузии еще и политическое значение, проводимая в стране политика легитимизируется как характерная для большинства стран Запада. В то же время резко критикуется европейская действительность, но с правых позиций. У нас группа, аналогичная той, что формируется в России как правая партия, является сегодня правящей партией Грузии, которая создана вокруг Бендукидзе и некоторых высокопоставленных чиновников. У них есть свои СМИ, и они активно критикуют европейскую, особенно североевропейскую модель как самую неудачную, где люди живут очень плохо и тяжело.

Грузия – это страна, переживающая социальную катастрофу, но активных социальных протестов в Грузии нет. Левые в Грузии находятся в информационной блокаде, но наша цель не выжить, а победить. Левые идеи становятся привлекательными для все большего числа молодых людей. И это поколение начинает делегитимировать действительность. Наше поколение начало свою политическую деятельность с делегитимации советского строя: критиковали его за отсутствие политических и гражданских свобод, за экономическую неэффективность. Реальные достижения советского строя – доступное качественное об-

разование, здравоохранение, полная занятость – не оценивались. Но не было политических свобод, а развившемуся обществу они были необходимы. Либеральные ценности в какой-то степени были целью, к которым мы стремились. Но вопрос в цене этой свободы. Всё больше людей осознают, что в начале 90-х годов они стремились к свободе, но не за счет отказа от социальных прав. Без права принимать решения нет свободы. Если ты не можешь участвовать в выработке решения, влиять на него, твоя свобода ограничена, если нет ресурсов реального влияния на механизмы принятия решения. Мы, борясь за свободу, потеряли все ресурсы, которые нужны для реализации свободы. А отсутствие социальных прав лишает людей ресурсов для того, чтобы воспользоваться свободой.

Поэтому интерес к левым идеям в Грузии сегодня чрезвычайно возрос у молодых людей. Мы сегодня в Грузии стараемся искать реальные пути, локализовать ситуации, где мы можем что-то сделать, исправить ситуацию. Но этого мало. Мы должны создать концепцию, которая бы объединила все эти локальные действия, предложить альтернативу существующему статусу-кво. Правда, этого в Грузии сказать не дают. Правительство Грузии уверяет, что реальная альтернатива – еще большая радикализация ситуации. Например, недавно 3 или 4 большие больницы были приватизированы, уже почти не осталось стационарных медицинских учреждений в руках государства. Государство от всего отказывается, снимает с себя

социальную ответственность, при этом происходит концентрация власти и капитала.

Мы начали кампанию «За другую Грузию» маленькими выступлениями, брифингами, в социальных сетях, на телевидении (где пройдет), на локальных каналах. Другая Грузия – это альтернатива, это – социально-демократическая Грузия, демократический социализм. Мы хотим сказать людям, что то, что называлось социализмом в советское время, не было социализмом, а то, что сегодня называется демократией, это не демократия. Но есть реальная демократия и реальный социализм. Мы стали предлагать лозунги, неизвестные нашей политической элите: «Здоровье», «Образование», «Труд». Этого ничего не было. Схема была простой: выдвигается лозунг: «Правительство – в отставку» и, если придет достаточно народу, можно свалить правительство, захватить власть. Мы хотим изменить сам стиль политического действия, отказаться от стиля бандитского действия.

Мы ищем энергичных и креативных людей, ищем новые формы, в которых локальные проблемы и действия соединяются в общее движение. Можно сгладить те противоречия, которые выявляются в совместных действиях. Это не будет компромиссом, отходом от принципов, это будет поиском нового порядка, где будет больше плюрализма, гибкости, демократии. Что касается спора о терминах, то, перефразируя Фуко, я бы сказала так: давайте говорить о вещах, а не

о словах. Если мы будем говорить о вещах, предметах, это будет понятно людям, найдет у них отклик.

Мы должны понимать, что нельзя радикально изменить ситуацию в одной стране, эта проблема имеет глобальное измерение. Поэтому важен курс на интернационализацию левого движения, и особенно – на постсоветском пространстве. С другой стороны, такая интернационализация помогла бы движениям на местах, легитимировала бы нашу деятельность, некоторые наши соображения и показала бы нашим гражданам, что у нас больше сил.

Теперь хочу затронуть тему национализма и националистических настроений в обществе. Национализм сегодня в основном является экономическим национализмом, он направлен в первую очередь против трудовых мигрантов. Эту ситуацию создала неолиберальная экономическая политика, способствуя сегрегации общества. И правые же могут разыгрывать карту национализма, получая голоса, в том числе и за счет левого электората. Левые, оставаясь на позициях интернационализма, боятся поднимать вопросы патриотизма, национализма. Но мы, Грузия сегодня – это не одна страна для всех, это две страны. Одна, вполне благополучная, – для 1% населения и другая, погибающая, – для остальных. Нужно играть не на генетической или кровной, а на солидаристской, социальной общности. Мы должны стоять на позициях солидарности, трансформируя национализм в патриотизм, в котором будет актуализироваться

солидарность. Еще раз хочу поблагодарить организаторов за приглашение. Спасибо.

Завершала первый день работы конференции секция

«Практика сопротивления: субъект, организационные формы и перспективы»,

которую вел **Борис Кагарлицкий**.

Михаил Рыжкин («Освобождение труда», Москва) сказал, что эффективность деятельности левых зависит от масштаба рабочего движения, левое движение не может развиваться в отрыве от классовой борьбы, от рабочего движения. Он отметил, что на секции активистов высказывалась и противоположная точка зрения, согласно которой левые должны организоваться, может быть, и создать партию, но они не должны зависеть от рабочего движения, не должны ориентироваться на вспышки рабочего движения. Эта партия должна стать мобилизующим ядром, главным фактором борьбы. Полярная точка зрения заключается в том, что партийные структуры не нужны, они себя изжили, нужны свободные сетевые структуры, объединяющие людей по убеждениям. Рыжкин отметил, что обе точки зрения представляются ему неверными. Он согласен, что партийная организация левых сейчас невозможна, любая такая попытка кончится небольшой сектой, которая будет бесконечно ко-

лоться на группы и группки, что мы видим последние 20 лет. Однако и сетевая организация породит только аморфные, не способные к действиям группы.

Будущее левых в России зависит от развития реального классового движения. Стихийные социальные выступления, возможные в России в ближайшем будущем, неподготовленные и незавершенные, могут, тем не менее, дать значительно больший толчок развитию левого движения, чем централизованные партии. Такие выступления могут стимулировать уход из левого движения прогнивших и застывших структур и способствовать созданию новых, более способных организаций, появлению новых людей. Только такой процесс и есть путь развития реального левого движения. Только таким и может быть толчок к созданию и развитию нормальных, дееспособных классовых организаций. Сегодня необходимо развиваться и поддерживать те организации, которые органически и гибко связаны с рабочим движением, являются его частью. Речь идет, прежде всего, о том рабочем движении, которое связано с общим классовым движением, какое сейчас есть, в какой степени оно сейчас развито. Мы можем работать с этой гибкой структурой, не скатываясь к сетевому взаимодействию, но и не сковывая себя жесткими формальными рамками организации, ориентироваться, прежде всего, на потребности и содержание классового движения.

Рыжкин подчеркнул также необходимость развития теории. Но тео-

рия, необходимая левому движению, подчеркнул он, не может быть сформулирована в кабинете или в кругу «правильных единомышленников», членов некоей протопартии, как это происходило последние двадцать лет, что и привело к застою в левом движении. Теория, необходимая левому движению, должна осмысливать реальную социально-экономическую ситуацию и предлагать решения, адекватные задачам развития общества, развития левого движения. Сегодня необходимо существование организаций, способных стать частью рабочего и социального движений, осуществлять координацию, вести теоретическую дискуссию и быть при этом частью реального движения, принимать решения, участвовать в реальных действиях.

Елена Галкина, говоря о практике сопротивления и его перспективах в России, обратилась к международному опыту и заметила, что, в отличие от Греции, в России нет буржуазной демократии. В России есть система, названная политологом Дмитрием Ефимовичем Фурманом «имитационной демократией». Эта система, при которой формально существуют демократические институты, но они не работают, являются декорацией, публичной политики нет и реальной демократии, даже в ее буржуазном варианте, нет. Эта ситуация гораздо ближе к Египту, чем к Греции. В Египте сложилась такая система, в которой существует одна правящая партия, называемая социал-демократической, и одна легальная светская оппозиция, набирающая 1-3% на выборах

и продвигающая иногда одного, а то и нескольких своих членов в парламент. Но почему же в Египте оказались возможными не только массовые выступления, но такие выступления, которые привели к смене политического режима, чего не произошло ни в Бахрейне, ни в Йемене. По массовости, например, египетские протесты не превосходили те, которые бушевали в Бахрейне или в Йемене. Действительно, может сложиться революционная ситуация в результате совпадения объективных и субъективных факторов, но перерасти в революцию она может при кризисе верхов, то есть должен быть раскол в верхах. И для того, чтобы революция не закончилась бунтом, на котором бы получили политические дивиденды консервативные силы, нужна еще политическая организация. В Египте такая политическая организация существует. Речь идет об организации «Братья мусульмане». Ее идеологию нельзя назвать левой, тем более – радикальной, разве что при одном из прежних лидеров – Саиде Кутбе, – в 50-60-е годы эта организация имела социалистические тенденции развития, даже радикальные тенденции развития. Однако это в прошлом, сегодня идеология «Братьев мусульман» – это наиболее социальный вариант демократии. Е. Галкина предложила обратить внимание на опыт этой организации в борьбе за власть и на опыт ее в организации революционных действий.

За событиями в Египте стояли «Братья мусульмане». Без них протест не был бы так хорошо органи-

зован, когда продумано было все, начиная с подвоза еды и воды протестующим до полного контроля над лозунгами. Интересно, что кроме лозунгов «Долой Мубарака» других почти не было, «Братья» не хотели пугать Запад мусульманскими лозунгами. Опыт этой организации интересен тем, что это успешный опыт борьбы оппозиционной организации в условиях «имитационной демократии», когда невозможно свободно выйти на публичное политическое поле, оно полностью контролируется, нет хотя бы относительно свободной политической борьбы, осуществляется контроль над информацией. «Братья мусульмане» развивались как организация общественная, которая так себя и позиционировала: собственные школы, система образования, помощь бедным, правозащитная деятельность. «Братья мусульмане», по сути, делали то единственное, что могли делать в условиях «имитационной демократии». С самого начала базируясь на этих принципах (существует организация с 1928 года, активную деятельность ведет с 40-х годов 20 века), эта организация может создать политическую партию, иметь большинство в парламенте и т.п. Е. Галкина отметила, что «Братья мусульмане» имеют влияние не только в Египте, но и в других арабских странах, например, в Тунисе. Эта организация сумела мобилизовать свои силы, выступить сознательным и активным субъектом массовых протестов, организовать их. Такая тактика, по крайней мере, на данном этапе, показала себя как очень успешная. Это тактика политической, по сути, органи-

зации, организации с политической программой, которая действует в рамках общественной организации, использует формы деятельности общественной структуры. Структуры, которая кажется сетевой, имеет ячейки почти в каждом поселении, позиционируется как общественная, но, с другой стороны, имеет и политическую программу, и структурирована достаточно четко вертикально. Об этом опыте стоит подумать и в чем-то его, наверное, перенять.

Василий Кузьмин (Левый Фронт, Москва) говорил о таком феномене, как новые левые. Позади тяжелый реваншистский период, красно-коричневый, хоругви и портреты Сталина, лозунги «Все вернем», «Назад – в СССР!», «Дашь водку за два с половиной рубля!» и т.п. Тяжелый период, который, к счастью, миновал. Что впереди? Погружение левых в некую абстракцию, борьбу, скорее, с локальными проблемами, вроде фашизма, вроде поедания мяса. Часто деятельность российских левых напоминает кальку западного опыта и совершенно не соответствует реальной ситуации в России. Каковы же актуальные задачи левых сегодня в России? Работа с пролетариатом. Сегодня огромная проблема для левого движения – пассивность рабочего класса, действительно, его очень трудно разбудить. Когда во время конфликта или забастовки левые приходят к рабочим с флагами и политическими лозунгами, то понимают, что все это и они сами рабочим не особенно и нужны. При этом левые, по мнению В. Кузьмина, игнорируют новые массы пролетариата – рабочих-

иммигрантов, а это сегодня наиболее угнетенная и обездоленная часть рабочего класса. И они наиболее доступны для агитации. Но левые не находят с ними даже минимальный человеческий контакт. Это очень перспективное направление для левых – работа именно с этими рабочими. Эти люди находятся на положении полурабов, они поражены почти во всех правах, кроме того, они выступают поводом, почвой для стравливания разных народов, для разжигания националистических настроений коренного населения, для формирования «образа врага». Если бы мы нашли подход к рабочим мигрантам, – а пока ни одна из существующих группировок его не нашла, – это был бы большой шаг вперед для левых.

Второе направление – работа с активистами антифашистского движения, которое пока, к сожалению, аполитично. Необходимо подвести антифашистскую среду к политике. Но левым пока не удастся предложить антифашистам программу, более интересную, чем та, которой они придерживаются. Это явный проигрыш левых, которым не удастся объяснить активистам антифашистского движения, что сколько ни руби голов у Гидры, вырастут новые. Сколько бы они ни уничтожили неонацистов, проблемы, неотделимые от капиталистического государства, будут снова и снова порождать неонацизм как явление, а, следовательно, и его сторонников. Скинхеды, фашисты – это проигрыши левых, те, кого не могли привлечь. Правым движениям легче вербовать скинов, так как и те, и те

придерживаются сходных признаков: антидемократизм, дисциплина, повиновение. Поэтому скины и правые легче находят друг друга. Скины по сути своей реакционная сила, сколько бы мы не говорили об их революционном потенциале. Но тут можно бросить еще один упрек левым: скины – это в каждом индивидуальном случае проигрыш левых, это проигранные, не понятые нами и не понявшие нас парни с рабочих окраин.

Еще один социальный слой, с которым можно работать – это работники милиции. Они сегодня воспринимаются левыми как абсолютное зло, а между тем это, без сомнения, представители угнетенного класса. После реформы милиции многие из них потеряют работу. Это, безусловно, подневольные люди. Василий Кузьмин напомнил, как Паоло Пазолини говорил о столкновениях студентов с полицией в 1968 году, что аристократическая молодежь крошила детей пролетариев под революционными лозунгами. Стоит найти к этим людям адекватный подход и проводить агитацию. Не стоит ждать, конечно, что в милиции или полиции возникнет революционная организация, но работать с этими людьми можно и нужно, это принесло бы пользу левому движению.

Коснулся В. Кузьмин и вопроса о социальных движениях. Социальные движения – это некая ловушка для левых. Гоняясь за «социальщиками», левые могут потерять свою собственную сущность, потому что социальные движения заинтересованы в массовости, они рады всем,

кто к ним приходит, как левым, так и правым активистам, социальные движения аполитичны, причем часто сознательно и принципиально. Левые не сумели объяснить социальным движениям, что такое соглашательство поддерживает и консервирует капитализм, являющийся, по сути, источником проблем, которые служат предметом беспокойства социальных движений. Если в социальных движениях левые встают бок о бок с правыми, не защищая своих политических принципов, работа левых в социальных движениях сводится к нулю. Да, в прессу попадет сообщение, что такая-то левая организация участвовала в защите того или иного объекта, может быть, и акция будет успешной, и локальная цель будет достигнута. Но левым в этом случае не удастся сохранить собственную идентичность, то есть выразить главное – почему они выступают в защиту этого объекта, не удастся гласно заявить, что эта локальная проблема есть порождение капитализма, есть частный случай принципиальной несправедливости, объективно порождаемой капитализмом. С социальными движениями, безусловно, необходимо работать, нельзя каждый раз навязывать свою позицию, но нельзя давать поглотить себя социальным движениям, нужно отстаивать принципиальные для левых тезисы и принципы. Социальные движения пока в большинстве своем еще не дозрели до политики.

Еще одна опасность для левых, которую отметил Кузьмин, – грядущие выборы, грядущие возможные альянсы. В таких альянсах левые

частенько оказываются вместе с либералами, поскольку те имеют сильные медийные и финансовые ресурсы и могут стать вроде бы сильными союзниками. Решаясь на участие в предвыборной кампании, левые начинают ходить вместе с либералами на митинги за свободу и демократию. Но необходимо помнить, отметил В. Кузьмин, что для левых демократические свободы имеют четкую классовую характеристику: демократия – это рабочая демократия, свобода – свобода рабочего класса, а не свобода для всех. Левые не должны отказываться от диктатуры пролетариата, а этот принцип радикально меняет представление и о цензуре, и о свободе слова, вообще меняет содержание политических лозунгов. А либералы говорят об абстрактной свободе, маскируя за этим лозунгом принцип неограниченной свободы, а по сути – диктатуры капитала. Эти противоречия левых и либералов являются принципиальными и непримиримыми, поэтому нельзя вступать в предвыборную гонку вместе с либералами и идти у них на поводу.

Новые левые в сегодняшней России, по мнению Кузьмина, – это в определенной степени ортодоксы. Не в той степени ортодоксы, которые мусолят одни и те же цитаты Маркса и Ленина и пытаются всех поучать. Новые левые – это те, кто просто ясно понимает классовую сущность всех противоречий в обществе и не стесняются говорить о том, что они марксисты. Новые левые – это марксисты, которые не боятся себя так называть. Для того, чтобы соответствовать такому обра-

зу новых левых, необходимо строить широкую левую организацию, а не создавать кучку мелких сект. Необходимо собирать все силы и активы в единое целое, вырабатывать широкую программу. Конечно, это не дело одного дня, и сегодня, может быть, это в полной мере невозможно, но приступить к созданию широкой левой организации, мобилизуя все силы, можно уже сейчас.

Ведущий секции **Борис Кагарлицкий** выступил с обобщением прозвучавших выступлений и прокомментировал их.

Выступление Михаила Рыжкина наименее проблемно и соответствует вектору, который доминирует на этой конференции и который уже, по всей видимости, начинает доминировать в движении в той или иной мере. С одной стороны, речь идет о том, что нет условий для технического создания новой левой партии даже не обязательно как верхушечного проекта, а как проекта, для которого обязательно нужно провести съезд. То есть, нет условий для создания левой партии путем механического объединения существующих групп. Но, с другой стороны, отказываться от консолидационных усилий тоже нельзя, нужно идти к консолидации через практическую работу, через прямое взаимодействие без механических попыток создания централизованной партии. То есть речь идет о том, подчеркнул Б. Кагарлицкий, о чем сегодня левые начинают говорить все более активно – о создании более широкого общественного движения с очевидно левой перспективой, хотя бы с учетом

актуальных сегодня проблем и их возможных решений. И в рамках этого общественного движения будет происходить консолидация левого ядра, которое будет проводить определенную линию, формировать повестку дня и т.д.

Следующее выступление Елены Галкиной было посвящено опыту «Братьев мусульман». Здесь немного смещаются акценты по сравнению с тем, что говорил Михаил Рыжкин, хотя и есть переклички. Политическая деятельность под видом общественной и даже благотворительной деятельности – это интересный опыт. Однако многие формы, в которых «Братья мусульмане» осуществляли свою деятельность, не воспроизводимы в России, не говоря уже о времени – его у «Братьев мусульман» было более чем достаточно, а у нас его нет совсем, учитывая перспективу кризиса, о которой нельзя забывать. «Братья мусульмане» похожи, скорее, на эсеров в русской революции, чем на большевиков. Хотя мы не знаем еще, что из них получится, но они и сейчас начинают расслаиваться, в них появляются исламо-либералы, исламы-социалисты, фундаменталисты, прагматики и т.п. Не очевидно, что в условиях кризиса такой механизм срабатывает, если нет определенного идеологического ядра. Но сама идея о том, что политическая деятельность в условиях имитационной демократии может принимать внешне, по крайней мере, вид общественной деятельности, заслуживает внимания. Даже технически это необходимо: людей выгоняют из КПРФ, они хо-

тят снова консолидироваться. Консолидироваться во что? Это может быть «Союз коммунистов», как мы видим в Красноярске и где-то еще, но это может быть и общественная организация, которая может стать легальной «крышей» для левых организаций. Ну, например, у нас сегодня есть ЦВР, который не зарегистрирован, но действует как общественное движение, обходясь без регистрации. Можно сделать вывод, что реально существует два решения. Или действовать через реально работающую общественную организацию, имеющую политическое ядро, которую мы по факту имеем в Питере (хотя, может быть, в некоторой особой форме), или создавать некие общественные структуры как площадки для своей деятельности, которые постепенно изнутри политизируются.

По поводу выступления Василия Кузьмина Борис Кагарлицкий заметил следующее. Нельзя утверждать, что левые совсем не работают сегодня с рабочими-иммигрантами. Но парадокс заключается в том, что рабочие-иммигранты не осознают себя некой социальной общностью, даже потенциальной общественной силой внутри России, не осознают своего единства. Нужно иметь в виду, что это атомарная разрозненная среда, люди в которой все время меняются, происходит постоянная ротация. Этим, кстати, рабочие иммигранты крайне выгодны капиталу. Такая постоянно меняющаяся среда не создает почвы для солидарности, для возникновения социальной общности. Наверное, через двадцать лет они уже будут

поддаваться консолидации хотя бы потому, что процентов 60 из них останется в России, станут россиянами таджикского, туркменского и так далее происхождения. Другое дело, что этих двадцати лет у нас может и не быть. Это не означает, подчеркнул Кагарлицкий, что не нужно работать с гастарбайтарами, и определенные шаги в этом направлении делаются. Потрясающих успехов в этом направлении нет, но и считать его совершенно забытым левыми тоже нельзя.

По поводу работы с «Антифа» Б. Кагарлицкий подчеркнул, что есть определенные успехи и в установлении сотрудничества с антифашистскими движениями. Он отметил, что в зале сидит Максим Солопов, который мог бы рассказать об этом сотрудничестве больше. Левые, безусловно, работают с «Антифа» политически, настаивал Кагарлицкий, и есть определенные достижения.

И ситуация с наци-скинами, по словам Бориса Кагарлицкого, не так проста. С одной стороны, довольно часто повторяют, что скины – проигранные левыми парни из рабочих окраин, сегодня это общее место всех левых. Несколько лет назад эти слова были своего рода ересью, скинов принято было считать злодеями, убийцами и т.п. Ситуация изменилась благодаря усилиям активистов антифашистского движения, например, Алексея Гаскарова, братьев Солоповых и т.п. Отношение к скинам изменилось, даже в Антифа-движении все чаще звучит фраза о проигранных парнях с рабочих окра-

ин. Дело не в том, что левые не знают, как вести себя, как поступать со скинами. Дело в том, что парни-то не совсем с рабочих окраин. В социологии неофашизма все совсем не так просто, в этом движении значительная часть — представители среднего класса, в том числе даже верхнего среднего класса. Именно эти люди глубоко проникаются неофашистскими идеями, начинают формировать структуры, наиболее активно действовать в рядах антифашистов. Есть, заметил Кагарлицкий, феномен восстания среднего класса против неолиберализма, это отнюдь не пролетарский тип восстания, и он может быть уведен очень и очень далеко вправо. Все это не означает, опять-таки, что с этой темой не нужно работать, нужно вычеркнуть ее из повестки дня, но упреждение здесь опасно. Не нужно считать, что дело только в том, что обиженные, угнетенные ребята оказались обойденными нами, не мы первыми с ними поговорили. В этом случае мы можем сильно ошибиться с адресатом своей работы. Это не отменяет того, повторил Кагарлицкий, что левые должны видеть в рядовом наци-скине в первую очередь жертву системы, даже если он и не с рабочей окраины.

Найти подход к милиционерам и полицейским было бы невероятной удачей для левых, кроме того, и антифашисты, и профсоюзные активисты пытаются это делать, иногда даже успешно. Вопрос в том, как распространять и закреплять эту практику, развивать отдельные успехи.

Наиболее сложный вопрос — взаимоотношения левых и социальных движений. Для левых характерно некое обожествление социальных движений, понимание их как всеобщей и абсолютной панацеи. В отношении к социальным движениям заключалась суть разногласий ИГСО и ИКД (Института коллективного действия). ИГСО всегда более критически относился к социальным движениям, чем ИКД, точнее, не к социальным движениям как таковым, а к практике левых по отношению к социальным движениям. Идея, разделяемая товарищами из ИКД, проста: нужно просто идти в социальные движения и помогать, помогать, помогать всем, чем можно. Конечно, помогать нужно, с этим невозможно спорить, вопрос в том, как помогать. Необходимо, по мнению Кагарлицкого, переформулировать сам вопрос. Не рассуждать о том, должны или не должны левые помогать социальным движениям, а рассуждать в двух направлениях. Первое — о том, какие социальные движения приоритетны для левых. И второе — какие социальные движения левые должны строить. Задача левых заключается не только в том, чтобы помогать социальным движениям, участвуя с ними в акциях, оказывая информационную поддержку и т.п., а в том, чтобы в значительной мере самим строить социальные движения. Левые должны становиться инициаторами, лидерами, организаторами социальных движений. На все социальные движения сил, разумеется, не хватит, необходимо разумно выстраивать приоритеты, четко понимая, какие социальные движения в

первую очередь важны для левых. При всем уважении к защитникам Химкинского леса, отметил Борис Кагарлицкий, эта тема не является сегодня приоритетной для левых. А вот образование, здравоохранение, отмена ФЗ-83 – это приоритетные темы. Левые, прежде всего, должны развивать, строить социальные движения по социальным вопросам, по самым «горячим» направлениям. Левым важны социальные движения, построенные вокруг социальных проблем, а не вокруг частных случаев беззакония, хамства и т.п.

Круг приоритетных для левых вопросов, вокруг которых нужно создавать и развивать социальные движения, определен уже несколько лет назад: это социально-трудовые права. Эта более широкая, чем рабочее движение, проблематика включает в себя проблемы рабочего движения: здравоохранение, образование, жилищные права, вообще социальные права. Эта проблематика позволяет вспомнить о социальной среде, незаслуженно забытой левыми – о бюджетниках. Это та среда, которая, с одной стороны, сегодня под ударом, а с другой стороны, в этой среде начинает развиваться интерес к левым идеям. И, наконец, эти люди вынуждены будут сопротивляться неолиберальным реформам просто для того, чтобы выжить. Работа с этой категорией, не являющейся традиционной для левых, не отменяет работу с профсоюзами, работу на предприятиях как приоритетных для левых направлениях деятельности.

Говоря о работе левых с соци-

альными движениями, Кагарлицкий опять напомнил об опыте ЦВР как об отработанной модели координации деятельности социальных движений, защиты социально-трудовых прав. Интересный вопрос, заметил он, а почему это не воспроизводится нигде, кроме Ленинградской области? Чем уникальна Ленобласть? Много новых промышленных предприятий? Да, это есть, но, предложил Кагарлицкий, работают и еще какие-то факторы. ЦВР, подчеркнул он, – пример того, как левые строят социальные движения, как социальные движения создаются и развиваются вокруг ядра, созданного левыми. При этом идеологического давления, требования непременно перехода в «правильную веру», в присяге на верность марксизму и социализму в ЦВР нет и в помине. Левым чрезвычайно важны социальные движения, подчеркнул Кагарлицкий, нужно выбрать оптимальную модель работы с ними, нужно в значительной степени создавать их, развивать, ориентируя на принципиальные проблемы.

По поводу электоральных блоков с либералами Кагарлицкий выразил горячую солидарность, назвав эти блоки ловушкой для левых, причем фатальной. Никаких союзов с либералами быть не может, скольконибудь приемлемые для левых отношения выстроить не получится, любые попытки здесь обречены.

Сегодня невозможно создать левую партию, но угрозы и вызовы сформированы уже сегодня. Сегодня, например, нет угрозы натовского вторжения в Россию, а завтра

такая опасность может возникнуть. И не потому, что первые лица что-то такое сказали или подписали, а потому, что экономический кризис может привести к реальному распаду страны. Распад может начаться не с политических, а социальных структур. Если Россия окажется тем, что принято называть «несостоявшееся государство», то решать тогда будем уже не мы, а, допустим, люди в голубых или каких-то еще касках. Поэтому работать нужно уже сейчас. И активно, нужна постоянная и эффективная координация деятельности. Вопрос в том, кто, кем и для чего координируется. В целом вопросы координации у левых решаются не так уж и плохо: на митинги люди собираются, конференции проводятся. Но в этих случаях координация выступает как технический вопрос, а наша задача перейти от технической координации к политической. Политическая координация – это выработка единой повестки дня, организация действий, направленных на решение приоритетных задач, при уважении второстепенных задач, которые каждая группа для себя предполагает решать. Переход от технической координации к политической осуществляется через создание широкого социального движения, ориентированного на сопротивление неолиберализму.

И, наконец, главная проблема левых состоит не в том, что у нас что-то не получается, а в том, что когда что-то получается, мы не понимаем, почему. Недостатки и провалы, как правило, анализируются гораздо успешнее, чем успехи, вот почему зачастую развить и тиражировать

достижения не получается. Левые не понимают и не умеют ценить свои удачи. Вот почему важно понять и использовать как можно более широко опыт ЦВР. Сегодня вообще важнейшая задача – понять, что и как получилось, в чем причина успехов, и как их можно развивать. Такое понимание должно лечь в основу рекомендаций для дальнейшей деятельности.

Тема второго дня конференции была обозначена как

«Антикризисная программа и коалиция прогресса».

На сей раз была организована работа в тематических секциях.

Секция

«Трудовой кодекс и права рабочих»

модерировалась представителем МПРА **Иваном Овсянниковым**. Дискуссию открыл **Дмитрий Кожнев**, который отметил в качестве одной из основных проблем рабочего движения неэффективность взаимодействия профсоюзов, отсутствие взаимной поддержки. Он указал также на необходимость в современной ситуации кропотливой работы по просвещению людей. Это занимает время и дается нелегко, подчеркнул он, но нет легких путей, и в то же время нет непреодолимых препятствий. В отношении партийного строительства в левой среде

бытует иллюзия, что, мол, отдельно партии и движения левого толка функционировать не могут, а при объединении всё получится. Механическое объединение не решит основных проблем, нужно учиться координировать свои действия. При этом каждый активист должен быть центром консолидации рабочих. Политическое строительство не должно быть оторвано от реальной социальной практики. Только там, где есть практика, возможно и объединение. Просвещение, пропаганда, идеологическая работа не должны быть второстепенным делом для левых, нужно помнить, что революция в первую очередь начинается в головах. Политизация людей происходит постепенно, в процессе реальной деятельности по защите своих прав. Экономические вопросы, вопросы заработной платы, рабочего времени, в конце концов, становятся политическими вопросами, если для своего решения требуют политических действий. Д. Кожнев указал также на необходимость взаимодействия различных групп между собой, необходимость работы непосредственно с народом, активизации низовых инициатив. Необходимо использовать опыт РСДРП, где были представители различных групп, классов и взаимодействовали друг с другом. Надо работать внизу, с народом, а не с бумажками (Дмитрий привёл пример Революции 1905 года, когда результат был достигнут благодаря работе снизу).

Владимир Макаров в качестве основной причиной слабости рабочего движения назвал пассивность

людей. Рабочие погрязли в рутине, не хотят задуматься о проблемах более высокого порядка. Для выработки общих позиций и консолидации необходимо объединяться левым партиям и движениям, будет больше ресурсов и больше возможности для работы.

Из зала указали на необходимость просвещения, назвав главной причиной пассивности невежество. Подчеркивалось, что просвещение должно быть интересным, увлекательным, тогда будет больше осознанных членов профсоюзов. Надо учитывать причину неактивности. Люди боятся (проблема моногородов). КПРФ никогда не занималась созданием профсоюзов. А надо взаимодействовать именно с рабочими.

Павел Кудюкин (доцент НИУ Высшая Школа Экономики) отметил, что объектом просветительской и пропагандистской работы должны быть не только рабочие на заводах, но и учителя в школах. Учителя – это огромная группа людей, это «мозги» наших детей. Это категория очень тяжёлая, они очень зависимы и покорны. Если директор сказал голосовать за ЕР, они голосуют, обманывать не могут, хотя всё равно проверять никто не будет. **Макаров** подчеркнул, что в школах до 90% работающих – это женщины в возрасте. Они робкие, запуганные. Школе надо раскочивать снаружи. Учителям нужна надежная поддержка общества. **Станислав Кувалдин** (журнал «Эксперт») отметил, что врачи также тяжело поднимаются на социальный протест. Они очень ин-

дивидуализированы, большинство надеется на побочный заработок. Вместо солидарного социального протеста распространяется уход в индивидуализм. По единодушному мнению участников секции, надо бороться за умы людей. Нужно консолидировать различные социальные группы в совместной работе. Например, учителя могут проводить какие-то тематические кружки с рабочими, помогать, объяснять. А рабочие своей поддержкой придадут уверенности учителям. **Павел Кудюкин** поднял вопрос колоссального снижения качества гуманитарного образования. Последствием становится формирование убогого, ограниченного мировоззрения, а это становится серьезным препятствием для формирования социально-психологической и идейной основы сознательного социального действия, осознанного социального протеста. Участники секции задались вопросом: «Что же мы делали не так в последнее время?» **Дмитрий Кожнев** заявил, что был «целый букет» ошибок. В первую очередь, подчеркнул он, профсоюзы строились как сервисные организации. Не было активного членства, люди вступали как в клуб. Он сказал: «Мы играли по правилам с государством, по закону, но нельзя с шулером играть честно». **Макаров** отметил: «Мы очень поздно организовались и мало что успели сделать. Не научились грамотно доносить идеи профсоюзов до работников. Больше времени надо уделять уличной борьбе. Сегодня как раз момент назрел». **Дмитрий Кожнев** напомнил, что создана специальная программа прикрепления

к вновь созданным профсоюзным организациям инструктора, чтобы помочь молодым профсоюзам и организациям не повторять тех ошибок, с которыми все сталкиваются. Этот опыт необходимо развивать.

Секцию

«Борьба за общедоступное образование»

модерировала **Наталья Просандеева** (доктор философских наук, Институт философии РАН, Москва). В дискуссии участвовали студенты, учителя, преподаватели, участники профсоюзного движения, представители политических партий.

Александра Запольская рассказала об инициативной группе МГУ, о серии семинаров, на которых обсуждались инициативы со стороны министерства образования, альтернативные проекты; рассказала о неудачном опыте проведения конференции, посвященной обсуждению проблем в образовании. Участники дискуссии сформулировали проблему пассивного протеста: когда всеобщее недовольство не выливается в серию коллективных действий, способных что-либо изменить. Отсутствует успешный опыт в сфере социального сопротивления. Одновременно происходит девальвация ценности образования в нашем обществе, вымывание лучших кадров из системы образования. Проблемы связаны также с информацией и с попытками внедрения иррациональной стандартизации образования.

Наталья Просандеева, Елена

Галкина, Анна Очкина предложили издать “Перевод закона об образовании на человеческий язык с сокращениями, предложениями и разъяснениями”. Также говорилось о проведении митингов. Анна Очкина призвала заниматься раскачиванием общественного мнения, чтобы заблокировать новые инициативы внесения изменений в систему образования. Пытаться добиться отмены хотя бы чего-то, чтобы показать, что борьба не бесполезна.

Секция

«Информационная политика и взаимодействие с прессой»

модерировалась **Полиной Колозариди** (ИГСО, Москва). Открывая её, **Полина Колозариди** так описала проблемы и задачи информационной работы левых: «У нас есть конкретные истории, с которыми необходимо работать. Вместо того чтобы выстраивать некую систему, мы допустили, что у нас господствует хаос. Левые умеют писать хорошо, думать замечательно, вопрос как это преобразовать в боевую медийную машину. Нужно ответить на вопрос: что мы можем практически начать делать вместе? И в первую очередь создать устойчивую связь друг с другом. **Семен Борзенко** настаивал на том, что сегодня для успешной работы в СМИ нужен интересный сюжет, а не абстрактная картина. Интернет позволяет написать очень много, он не ограничивает автора. Есть, например, Олег Хромов – хороший профессиональный левый карикатурист. Почему

его творчество не востребовано? Можно открыть конкурс – самый лучший ролик про левое движение. За победу дать приз, если не материальный, то хотя бы какую-то компенсацию, поездку на какой-нибудь форум, фестиваль. Очень важно сегодня залезть в голову 16 летних «ботаников», чтобы сделать из них левых. Нужно работать с молодежью. И ещё важная задача – создание у основной массы населения позитивного образа левых. **Ольга Иванова** (журналист, агентство «Новый Регион») отметила, что работа в социальных сетях ведется, но в основном анонимно. Новости черпаются из блогов, прессе удобно брать оттуда информацию. Блогеры скрываются под псевдонимами. Многие из них левые. Блог не требует много времени. Они помогают выраживать целые личности, допустим, проект “Навальный”. Необходимо пиарить “Рабкор” через ЖЖ. В левой информационной среде недостаточно используются видеоролики. Московские левые – индивидуалисты, поэтому нужно создать клуб общения оппозиции.

Никита Петров (ИГСО, Москва) констатировал, что видеомодули необходимы левому portalу. Внимание читателей рассеивается после 3 тыс. знаков. С помощью видеомодулей можно реагировать на события. Инфографика объясняет социальный конфликт с помощью графики. Можно выделить помещение для собраний, встреч, своего рода социальный центр для обсуждения, дискуссий, которые можно завершить хорошей музыкой. **Ирина Комолова** отметила, что

в информационной работе важен элемент доверия. **Кира Лопатина** напомнила участникам встречи, что уже есть сайт по региональным социальным движениям (stopreforma.ru), нужны контакты с информационными ресурсами. Желательно сделать несколько блогов, через которые велась бы работа по определенным темам.

Секция

«Принципы антикризисной экономической программы: за что бороться?»

модерировалась членом инициативной группы МГУ **Алексеем Гусевым**. Докладчиком выступил **Василий Колташов**. Его доклад содержал две части. В первой были рассмотрены природа, этапы, текущий момент и перспективы мирового экономического кризиса, а во второй – возможная антикризисная программа левых. С точки зрения докладчика, текущий кризис должен быть охарактеризован не просто как один из циклических кризисов, задающих 8-10 летний ритм капиталистической экономики, а как структурная агония неолиберальной модели капитализма, господствовавшей на протяжении последней более чем четверти века.

Главной преградой, которая встала на пути выхода глобальной экономики из кризиса по неолиберальным рельсам, оказалась невозможность обеспечить спрос по ставшим уже традиционными рецептам. В форме долгового крушения цело-

го ряда стран (еще потенциального или действительного) обнаружился не только экономический предел надувания пузырей в финансовом секторе. Также проявились политические границы неолиберальной антикризисной политики: опираясь на фактическую связь между эмиссионными мерами американских властей и лихорадочной спекуляцией на глобальном сырьевом, фондовом и продовольственном рынках в мире сформировался социальный кризис. Революционный каскад в арабском мире предстает уже в качестве следствия попыток неолиберальных правительств предотвратить окончательный коллапс спекуляций и пирамиды плохих долгов. Капитализм обречен на тщетные поиски платежеспособного потребителя в рамках неолиберальной модели, и развитием текущего кризиса станет повсеместная, в том числе и в России, затяжная депрессия. Однако последняя, в сочетании с усугубляющимся социальным кризисом, создает условия для широкого движения трудящихся, в основу программы которого должны лечь ряд принципов, позволяющих обеспечить столь необходимый для капитализма спрос, а также создать политические и социальные условия для формирования независимой левой партии. Развитие классовой борьбы под воздействием кризиса ставит вопрос о новых институтах демократии, расширении свобод и реализации левыми радикальной – отвечающей интересам трудящихся программы преобразований.

Среди экономических пунктов программы левых могут быть названы

следующие: требование «*твердых денег*»: эмиссия рубля, являющегося «деньгами рабочих», в которых выдаются зарплаты и обесценение которых наносит прямой ущерб доходам трудящегося большинства, должна быть поставлена под контроль последнего; *широкая налоговая реформа*, в том числе отмена косвенного налогообложения потребительских товаров, лежащегося целиком на плечи трудящихся; освобождение от налогов трудовых доходов и повышение налога на прибыль (прогрессивное обложение), введение налогов на роскошь и на приобретение инвестиционной недвижимости. Эти меры должны помочь не только созданию внутреннего спроса, но и заставить капитал искать технологические способы повышения эффективности производства. *Национализация сырьевых монополий и крупной промышленности, а также сокращение рабочей недели – другие важные пункты. Левые заинтересованы выступить за восстановление единого экономического пространства в зоне бывшего СССР. Развитие таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном должно идти не по пути копирования ЕС, а по пути устранения раздробленности, расширения и распространения трудовых и гражданских прав. Расширение трудового права вообще является «экономическим пунктом». Не являясь еще революционно-социалистическими, данные требования неосуществимы без радикальной политической ломки, революционных преобразований в обществе. Четкие экономические требования левых могут быть востребованы массами в кон-*

кретных условиях революционной ситуации, складывающейся под влиянием затягивающегося кризиса. С наибольшей вероятностью страны, павшие жертвами глобального экономического бедствия, ждут не социалистические, а буржуазно-демократические революции. Путь реформистских уступок сверху выглядит все менее вероятным: стремясь переждать кризис, устранив лишь некоторые его симптомы, власти затягивают его и сами становятся препятствием для его разрешения.

С 12.15 до 14.30 состоялись **заседания, посвященные отчетам руководителей секций и обсуждению итогового документа конференции.**

Модератором была **Александра Запольская** (Инициативная группа МГУ, г. Москва).

Открыв заседание, **Александра Запольская** предложила начать с секции по образованию, представив слово ведущей секции **Наталье Просандеевой**, которая поблагодарила организаторов за приглашение на конференцию и призналась, что бурная дискуссия, разразившаяся на секции, заставила ее посмотреть несколько по-иному на ситуацию в сфере образования, скорректировать некоторые свои воззрения. Рефлексию, по мнению Н. Просандеевой, можно разделить на две составляющих. Во-первых,

эмоциональный элемент. Особенно привлекательным для нее оказалось то, что чувствуется желание изменить ситуацию в сфере образования, проявить активность. Она призналась, что была уверена: в российском обществе царствуют аномия и пассивность, в том числе у преподавателей и учителей, распространены усталость, отчаяние, безысходность. Наталья Просандеева призналась, что провоцировала аудиторию, уверяя, что никакой протест невозможен, и с радостью констатировала, что такая позиция встречала дружное возмущение коллег.

Далее она говорила о рациональной составляющей дискуссии, подчеркнув, что состав участников секций был очень разнообразным. Присутствовали преподаватели вузов, школьные учителя, представители социальных движений, студенты, представители профсоюзов и политических партий. Каждый пытался делиться своим опытом, опытом противостояния распаду, разрушению образования. Так, Саша Запольская рассказывала об опыте инициативной группы МГУ, которая пытается преодолеть пассивность и равнодушие студентов, которые сегодня, как известно, не учатся, а покупают образовательные услуги, и, как правило, совершенно не интересуются жизнью университета. Жизнь современного студенчества, очевидно, сосредоточена совершенно в другой области. Тем не менее, есть инициативные люди, которые пытаются сопротивляться разрушительным реформам, пытаются преодолеть всеобщее равнодушие. На-

тальяя Просандеева напомнила, что в предшествующие эпохи студенчество было самой радикальной, самой революционной частью общества. И сегодняшнее поведение массы студенчества не может не расстраивать. Однако есть образцы и совершенно иного поведения, есть ростки гражданской активности среди университетской молодежи. Елена Галкина блестяще анализировала проекты образовательных стандартов, правительственные инициативы и документы, которые без специальной подготовки еще и трудно прочесть и понять. Елена Галкина своим анализом сделала понятными ближайшие и долгосрочные последствия реализации правительственных инициатив в области образования. Хорошо бы, чтобы люди, разбирающиеся в предмете и юридических тонкостях и имеющие мужество читать все эти документы, взяли бы на себя труд переводить их на человеческий язык, снабжали бы комментариями и сбрасывали в публичное пространство. Тогда все люди, вовлеченные в процесс: преподаватели, учителя, школьники, студенты, родители поняли бы, о чем идет речь. А речь идет, подчеркнула Н. Просандеева, об убиении института образования, важнейшего как в России, так и в глобальном контексте. Пока только образование смиряет нас, заставляет нас вести себя толерантно.

Н. Просандеева отметила, что на секции выступали учителя и представители профсоюзов, рассказывая об ущемлении прав работников образования, прессинге со стороны администрации, со стороны родите-

лей и даже учеников, который испытывает учитель, о гонении на профсоюзных активистов. Не только наивно, но даже и не совсем нравственно призывать в таких условиях учителей устраивать акции протеста. Наталья Просандеева сказала, что нужно благодарить тех, у кого еще есть мужество сражаться, сохраняя остатки образования для наших детей. Выступления представителя профсоюза учителей из Новосибирска – это, по образному выражению Н. Просандеевой, плач Ярославны о том, с какими трудностями сталкиваются люди, защищая свои права. У администрации имеется масса ресурсов, чтобы давить на недовольных работников, чтобы пресекать всякий протест. Грядущий закон об образовании, если будет принят, сделает еще более трудным, почти невозможным сопротивление администрации, защиту социально-трудовых прав. По проекту закона предполагается возможность увольнения работника образовательного учреждения по политическим взглядам. По крайней мере, проект закона такую возможность администрации предлагает. Формирующаяся сегодня в России система образования будет принимать только абсолютно лояльных людей, готовых по указанию сверху изменить свои взгляды, способных к повинению и послушанию. Иные, пытающиеся следовать своим принципам, тем более опирающиеся на определенные принципы в профессиональной деятельности, будут выдавливаться из системы.

Закончилась секция, по словам Натальи Просандеевой, на очень

интересной ноте. Современный капитализм – капитализм когнитивный, капитализм знаний, но знаний как информации, которая превращается в товар. Однако знание по своей природе не продается, оно возможно как результат совместной деятельности, которая способствует обогащению каждого, кто в ней принимает участие. Информационное пространство сегодня – главный ресурс крупного капитала. И вот если это пространство взять под контроль, можно осуществить победу над капитализмом изнутри, его же собственным ресурсом. Активистами такого процесса являются, например, хакеры, которые, опираясь на основные тренды развития крупных корпораций, разрушают эту систему изнутри. Все-таки есть надежда, что ситуацию в образовании можно удержать, исправить, остановив разрушение. Но этот процесс разрушения – не исключительно российская беда, это глобальная проблема. Глобализация сама по себе – это процесс поглощения общества, мира транснациональными корпорациями. Наступление транснациональных корпораций на общество ведется по всем направлениям, в том числе, и в сфере образования и культуры.

Слово для дополнения взяла **Александра Запольская**, которая отметила, что инициативная группа МГУ не нашла, разумеется полного ответа на вопрос «Что делать?», но план ближайших тактических действий существует. Так, в сентябре планируется акция в Москве и, если получится, в координации с другими городами, совместно с профсоюзом

«Учитель» и движением «Московские родители». Будет организован митинг в защиту образования, будут с 1 сентября раздаваться листовки, предполагается агитация в школах. Необходимо, отметила А. Запольская, мобилизовать и консолидировать тех людей, которые возмущены реформами, но не знают, как это возмущение выразить, как его реализовать в практических действиях.

Гия Жоржолиани поднял вопрос о наличии конструктивной альтернативы происходящим образовательным реформам. Если необходимо что-то менять, то нужно знать, как именно менять. Ненаправленное, неконструктивное сопротивление, по мнению Г. Жоржолиани, обречено. Выступающие, по его мнению, только констатируют негативные факты, а необходимо предлагать позитивную программу.

Наталья Просандеева отметила, что менять необходимо, так как происходящее – не только деструкция образования, это разрушение самого общества. Но она призналась, что не знает рецепта спасения. Более того, все рецепты спасения, навязываемые когда-либо обществу, ни к чему хорошему не приводили, поэтому она не взяла бы на себя смелость давать рекомендации. Она предложила высказаться тем, кто придерживается другой точки зрения.

Анна Очкина сказала, что вопрос об альтернативе становится самым острым и болезненным при обсуждении проблем образования. Система образования никогда, ни в каком обществе не висит в воздухе.

Не является абсолютно обособленной. Беда в том, подчеркнула А. Очкина, что реформаторы рассматривают систему образования как машину, автономно работающую, в которой достаточно менять детали, исправлять какие-то винтики, чтобы она работала по-иному и по заданной новой программе. Конечно, такой подход является абсолютно неверным, образование, может быть, и будет продолжать работать, но не по вложенной программе. Система образования работает всегда в определенной связи с обществом. Каким бы не считали советское образование, оно выполняло и выполнило вполне успешно определенный заказ. Сегодня никакого, выработанного обществом и связанного с его объективными интересами заказа на образование просто нет. Есть один, реализуемый в реформах: нам нужно как можно меньше образованных людей. И нет сейчас субъекта, консолидированной социальной силы, которая может выработать такой заказ и, тем более, добиться его реализации. Нужно хорошо понимать, а что мы хотим получить от системы образования на выходе. Поэтому сегодня, размышляя о том, что делать, нужно, прежде всего, хорошо выучить слово «нет!». Есть ряд реформ, которые нужно остановить или блокировать.

В том, что ряд реформ уже осуществлен, переход на двухуровневую систему, например, по мнению А. Очкиной, виновато общество в целом. Люди не понимали последствия грядущих изменений, не сопротивлялись им. Так же спокойно

поначалу был принят ЕГЭ как способ борьбы с коррупцией в вузах. Теперь многое из того, что было спокойно принято гражданами, вызывает их возмущение, но отыграть назад гораздо сложнее, чем остановить тот или иной процесс в самом начале. Так же равнодушно общество отнеслось к отмене ЕТС и к введению новой системы оплаты труда (НСОТ) в вузах и школах. А ведь эта мера значительно повысила зависимость работников от администрации, ухудшила их положение. Общество пропустило очень много инициатив, которые воспринимались сначала как незначительные детальные изменения, но которые стимулировали разрушительные процессы, очевидные сегодня тому же обществу. Пресловутое Болонское соглашение, под эгидой которого ломалось и крушилось многое, даже приветствовалось общественностью поначалу. Многим нравилось, что мы «входим в Европейское пространство», правда, мало кто задумывался, каким путем мы туда попадаем и зачем. Самое правильное, самое главное сейчас, подчеркнула Анна Очкина, мобилизовать общественное мнение, делать то, что делает, например, инициативная группа МГУ, чтобы блокировать хотя бы новые инициативы. Каждая новая инициатива безумней предыдущей, это нужно хорошо запомнить. Нужно добиваться также отмены хотя бы чего-то из того, что уже продавлено. Разумеется, правительство не отступит по принципиальным направлениям, не откажется ни от ЕГЭ, ни от бакалаврата, ни от НСОТ. Но пытаться нужно, добиваясь отмены хотя бы технической решений, из-

менения деталей, что может привести к невозможности реализовать более крупные инициативы, будет вызывать сбои в работе системы. Сегодня есть потрясающий ресурс – низовые чиновники, чьей обязанностью является реализация реформ. А они не могут, хотя очень хотят. Не могут, поскольку указания противоречивы и часто просто безумны.

Есть, по мнению А. Очкиной, еще одна болезненная проблема, препятствующая возникновению внятной альтернативы сегодняшним процессам в образовании. Она согласилась с Натальей Просандеевой в том, что сформировалась в самой системе образования целая группа, целый слой невежд, воспитанных уже в этой, разлагающейся системе образования. Эти люди чувствуют себя комфортно в нынешней системе, предъявляющей требования только к формальным критериям деятельности и равнодушной к сути процесса, к подлинному знанию и профессионализму, даже враждебной всему этому. Она повторила подсказанное ей Борисом Кагарлицким название для таких людей – «пенцы гнезда Фурсенко». У этих невежд уже есть ученики, пошел процесс размножения невежества. Эти невежды получили формальные подтверждения своей квалификации – дипломы о степенях и званиях. Продавленные правительством реформы дают дорогу невеждам. Новая концепция стандартов образования такова, что возможность обеспечивать контроль над существом дела исчезла, зато многократно выросла отчетность по формальным признакам.

Поэтому следующим этапом сопротивления разрушению образования должна стать мобилизация разума и инвентаризация того, что еще осталось здорового и продуктивного в системе образования. Постепенно необходимо формировать видение того, какого человека, какое общество, что мы хотим получить от той или иной системы образования.

Декларируемая сегодня правительством цель получить конкурентоспособного специалиста не годится для формирования нормальной системы образования, это слишком узкая и сиюминутная цель, подчиняющая процесс обучения, процесс производства знания утилитарным целям. Если мы хотим получить всесторонне развитого человека и общество, способное к расширенному культурному и социальному воспроизводству, то сегодняшняя система образования не годится, а та, которая предполагается реформами, тем более не подходит. Но сегодня актуально остановить физическое разрушение, спасти то немногое, что еще осталось. И главное, спасти людей. Современные реформы образования в России добились большего, чем добивались любые кампании, включая, например, инквизицию, связанные с уничтожением образованных людей. Самое страшное, что происходит уничтожение личности в системе образования, – не физическое, а нравственное. Уничтожается любопытство, стремление к истине, профессиональная и научная добросовестность. К сожалению, система образования не рухнет из-за реформ, она трансформируется

изнутри, перестроившись на производство ложного знания, образование станет отравой для общества вместо того, чтобы стать лекарством. Может быть, если бы система действительно рухнула, и людям негде было бы учить детей, сопротивление было бы более упорным и эффективным. Нужно все время об этом кричать, это задача номер один сейчас. По крайней мере, мы не можем допустить, чтобы люди успокоились. Мы должны суметь напугать общество.

Елена Галкина продолжила тему социального заказа на осуществляемую сегодня реформу образования. Конечно, такой социальный заказ есть, и реформа прекрасно продумана. Разработана она была в середине 90-х годов, просто тогда общественный протест был так велик по сравнению с той инертностью общества, которую мы наблюдаем сейчас, что претворить тогда эту реформу было невозможно. И вот она претворяется в жизнь спустя пятнадцать лет после разработки, разрабатывал ее еще А. Г. Асмолов, будучи в 1992 – 1998 годах заместителем и первым заместителем министра образования. В этой реформе выражен вполне конкретный социальный заказ от олигархическо-бюрократической верхушки, и он не сводится просто к уменьшению числа образованных людей. Е. Галкина напомнила, что во время одного из вчерашних заседаний было сказано, что существует две России: одна – для ничтожного процента сверхбогатых, так называемой элиты, и другая – для всех остальных. И реформа образова-

ния подчинена социальному заказу этой самой элиты, смысл же его, прежде всего, в пресечении вертикальной мобильности в принципе, в уничтожении ее главного сегодня канала – доступного и качественного образования. Соответственно будет обеспечиваться консервация нынешней элиты и ее воспроизводство. Смысл реформы в том, что в системе государственного образования не осталось бы образования качественного – ни школьного, ни вузовского. Даже элитные вузы, даже сохраняющие особый статус Московский и Санкт Петербургский университеты не смогут сохранить качественное образование в условиях разложения школы. Именно поэтому реформа образования, по мнению Елены Галкиной, является поводом для настойчивой агитации, для постоянных призывов к консолидации общества, всего остального общества, не элиты, к консолидации той самой России, которая принадлежит не пяти, а 95 процентам населения.

Марк Васильев (ИГСО, Москва) отметил, что медицинское образование сохраняется сегодня лучше, чем, например, гуманитарное, благодаря более последовательному сопротивлению. Он напомнил еще об одной болезненной для российского образования проблеме, о введении в школах «основ православной культуры». С этим, по его словам, необходимо последовательно бороться, поскольку это бомба, которая подкладывается под общество.

Александра Запольская призна-

ла, что этому вопросу на секции внимания не уделялось, обсуждались более общие проблемы и последствия образовательной реформы, а также формы и методы борьбы с ней. Затем она предоставила слово модератору секции по информационной политике и взаимодействию с прессой **Полине Колозариди**.

Полина Колозариди отметила, что на секции не обсуждался вопрос «Кто виноват?», главной темой был вопрос «Что делать?». На секции собралась довольно большая масса людей, недовольных существующим образованием. Недовольных не только организацией занятий, но и тем, что происходит с людьми, когда они находятся в информационном хаосе. И с точки зрения участников секции работа в информационном пространстве, взаимодействие с прессой и есть борьба с хаосом. Рассуждая об образовании, не нужно забывать и о просвещении. Ведь человек сегодня усваивает и познает не только то, что ему говорят в университетах и школах, он познает мир и самостоятельно. В этом самостоятельном познании большую роль сегодня играет Интернет, хотя наибольшей популярностью и пользуются сугубо развлекательные сайты. Задача левых – создание альтернативы тому, что сегодня существует в информационном пространстве. Неожиданное преимущество сегодняшней ситуации, по словам Полины Колозариди, заключается в том, что создавать эту альтернативу может каждый. У нас есть люди, сказала она, которые могут делиться своими знаниями, и сегодняшние информа-

ционные технологии дают им в руки средства, позволяющие эти знания распространять.

Далее П. Колозариди перешла к конкретным итогам обсуждения на секции. При обсуждении выяснилось, что есть довольно серьезные ресурсы социальной, социалистической, марксистской мысли, эти ресурсы есть в Интернете, есть журналисты, готовые освещать эту тему. Сегодня у левых нет общего информационного поля. Это была та отправная точка, с которой началась работа секции. Товарищи из Санкт Петербурга рассказывали о своем опыте взаимодействия с медиа, товарищи из других регионов делились своим опытом, своими наработками в данном направлении.

П. Колозариди отметила, что есть разные формы журналистики: статьи, видеоматериалы, интервью, аналитические материалы и т.п. Но нужно серьезно задумываться о новых формах и – главное – об адекватном языке. Сегодня нельзя говорить на языке марксистов прошлого века. Нельзя писать многостраничные статьи, необходимо использовать лаконичный внятный формат, который понятен не только интеллектуалам, но и массам. Помимо статей и аналитических материалов есть видео, графика, картинки, необходимые для заполнения сайтов. Общее информационное поле, с необходимостью создания которого согласны все участники секции, должно быть разнообразным и интересным, насыщенным.

Полина Колозариди обратилась к присутствующим на заседании с

предложением примкнуть к реализации решений, принятых на секции. Во-первых, необходимо осуществлять постоянную координацию и обмен информацией. Участники секции выписали на отдельном листке все электронные адреса, и все присутствующие сейчас в зале, предложила П. Колозариди, могут присоединиться к этому сообществу. Для личного общения часто приходится тратить много времени, оно не может быть постоянным и, тем более, оперативным. Необходимо шире использовать электронное общение. Блоги, подчеркнула она, не заменяют живого общения, но создают представительство человека в сети. Ведите блоги, обратилась Полина к собравшимся, ссылаясь на резолюцию секции. В сети, отметила она, не хватает левых идей и людей, да и ей, как персонажу, не хватает ораторов, персонажей и героев с левыми взглядами, о которых можно рассказывать. Нельзя же каждый раз, когда речь заходит о протестах, вспоминать Чирикову и Навального. Нужно бороться с такой ситуацией общими силами, нужно заполнять информационное пространство левыми идеями и людьми.

Участники секции составили список разных жанров, в которых люди могут высказываться. Всем здесь присутствующим, всем, участвующим в конференции, есть что сказать. И нужно говорить, создавать сети, наполнять Интернет информацией в разной форме – интересной, доступной, ясной и левой. Нужно выходить за пределы своей тусовки, добиваясь реакции на свои сообщения, вербуя сторонников, хотя

бы сначала идейных.

Кроме того, участники конференции пришли к выводу, что материалы острого или аналитического характера о социальных проблемах необходимо дополнять контактами, куда человек мог бы обратиться со своей проблемой, сходной с той, о которой он прочитал в статье. Это касается, прежде всего, материалов о деятельности социальных движений. Это необходимо для того, чтобы люди, обеспокоенные тем, что происходит сегодня и сейчас в их дворе, школе или городе, не оставались наедине со своей проблемой, а связывались со структурами, которые могут помочь, и с товарищами, которые могли бы тоже участвовать в решении этой проблемы. Участники секции, по словам П. Колозариди, только начали составлять список того, к чему после прочтения статьи должен прийти читатель. Это идея соединения информации с деятельностью может быть очень перспективной.

Полина Колозариди подчеркнула, что на секции рассматривались чисто практические вопросы и делались практические выводы. Итогом работы секции, по ее словам, может стать сеть ресурсов, сайтов, куда все желающие с любыми взглядами и идеями могли бы зайти. На этих сайтах будет просветительский блок, потому что образование полноценное невозможно без просвещения. Этот блок будет выдержан в формате ликбеза по левой теории и левой практике. Нужен ликбез по текущим проблемам, информация и комментарии по поводу того,

что происходит здесь и сейчас. Не всем, например, известно содержание изменений в системе образования и в социальной политике. Будет на сайте и компонент, связанный с прямым действием, общением, воздействием на различные структуры и институты.

В заключении Полина Колозариди сказала, что все, кто присутствует сейчас в зале, кто участвовал в работе конференции, составляют, по сути, социальную сеть. В нее могут быть включены и другие люди, каждый из присутствующих связан со многими людьми. Всем есть что сказать, у всех есть идеи, соображения, может быть, кому-то известны модели и методы решения проблем. Не обязательно на глобальном, но и на локальном уровне. Не нужно оставлять все, что обсуждалось на этой конференции в нашем узком кругу. Наша информационная политика, подчеркнула Полина, заключается в том, чтобы все, что говорится в этой аудитории, имело действие и влияние далеко за ее пределами. Необходимо сохранять коммуникацию, общаться, создавать свое информационное пространство, необходимо делать так, чтобы наша деятельность что-то меняла. Мы живем в эпоху, когда у нас есть средства, необходимые для распространения наших идей. Если через 10 лет ничего не изменится, в этом будет только наша вина и больше ничья.

Марк Васильев заметил, что существенная ущербность этой секции, по его мнению, заключалась в том, что не обсуждался вопрос «Кто виноват?». Он подчеркнул, что все

те двадцать лет, которые он состоит в левом движении, обсуждается вопрос о необходимости просвещения и политического ликбеза, без малого десять последних лет говорят о возможности использования компьютерных технологий для распространения информации, без малого пять лет говорят о социальных сетях. Если это все сейчас преподносится как некая новация, значит, сказал М. Васильев, что-то не так. Значит, нужно было обсуждать вопрос «Кто виноват?».

Полина Колозариди возразила на критику одним вопросом: «А кто-нибудь что-нибудь делал?»

Из зала Полину попросили объяснить, как она конкретно представляет себе организацию просвещения и политического ликбеза. Александра Запольская заметила на это, что обсуждение на секции и выступление Полины и так было предельно конкретным, дальше нужно только работать – в прессе, в социальных сетях.

П. Колозариди отметила, что уже сегодня существует сайт ИГСО и ИКД, сайт «Рабкор.ру», Facebook. Можно писать статьи, формировать новости, сообщать информацию, делиться опытом. На возражение, что все сообщенное ею не является новой информацией, Полина заметила, что, если бы все это делалось, половина повестки точно снималась бы.

Б. Кагарлицкий обратил внимание собравшихся, что выступление

Полины Колозариди, очень хорошее и пафосное, дает представление об общей тональности работы секции, но не знакомит с итогами ее работы, поэтому возникают вопросы. Между тем, заметил он, итоги представляют собой очень конкретные рекомендации по совершенствованию информационной работы. Могу перечислить ряд из них. Например, решено переделать раздел «Сеть» сайта Рабкор.ру так, чтобы в нем был обзор Интернет-ресурсов разного рода, в том числе и по социальной тематике, где можно найти информацию о борьбе за права жильцов, сохранение школ и т.п., то есть по деятельности социальных движений. Нужно повесить соответствующие тематические блоги, что и будет сделано в течение сентября-октября. Принято решение и об определенном изменении в других разделах сайта, в том числе в разделе «Музыка». Решено также провести мастер-класс по графике для левых активистов по веб-графике, обеспечить расылку информации по бумажным медиа, которые с нами работают по определенной схеме и принято ряд более конкретных решений по текущей работе с определенными сроками, исполнителями, задачами и т.п. Это было уже результатом внутренней работы левых журналистов, которые делали для себя соответствующие пометки, намечали план работы на сентябрь - октябрь. В октябре у нас будет еще одно мероприятие по левым медиа, где мы сможем отчитаться в выполнении тех заданий, которые мы сами себе поставили.

Далее **Александра Запольская** предоставила слово **Петру Приневу** (ЦВР, Санкт Петербург), который рассказал о работе секции «Трудовой кодекс и права рабочих».

Петр Принев, начав рассказ о работе секции, заметил, что обсуждался, в основном, вопрос о том, что представляет собой на сегодняшний день профсоюз, какие типичные ошибки допускаются в профсоюзном строительстве, и как можно избежать или исправить эти ошибки. П. Принев отметил, что дискуссия была напряженной и интересной, и он понял из нее, что в России сегодня существует две политические партии, считающие себя левыми: КПРФ и «Рот Фронт». Первая априори не хочет быть рабочей партией, а вторая очень хочет, но никогда ей не станет. Кроме того, дискуссия на секции выявила большую беду рабочего и профсоюзного движения: рабочие, как правило, пассивны, невежественны и всего боятся. Рабочие воспринимают профсоюзы как сервисные организации, не принимая идею индивидуальной ответственности и активного членства. Сами профсоюзы часто и подают себя как сервисные организации, стремятся к самоизоляции или, как минимум, не умеют планировать стратегически, не видят своего будущего дальше, чем решение одной конкретной, частной проблемы. Участники секции, по словам Принева, говоря о путях исправления описанной ситуации, подняли вопрос активного членства в профсоюзах. И тут же возникла идея о том, что для того, чтобы стать серьезной силой, профсоюзы должны

обрести идеологию. Это во-первых. Во-вторых, идеология эта не должна ориентироваться на иконы и шаблонные лозунги, она должна идти от самих рабочих, быть осознана и принята ими. Вопрос в том, как заставить самого рабочего думать, как оторвать его от телевизора и развлекательных Интернет-сайтов. С одной стороны, подчеркнул Петр, сегодня есть и желание, и возможность создавать рабочие и профсоюзные организации, бороться сообща, есть определённые успехи в этом направлении. С другой стороны, дальше разовых акций, дальше решения частных проблем дело не движется. А если вдруг движение и происходит, то движение задавливается, уничтожается, распыляется. Возникает негативный опыт, который препятствует созданию новой организации на этом же предприятии.

Обсуждение этих болезненных вопросов привело участников секции к выводу о том, что нужно менять само понимание профсоюзов. Строить профсоюзы не просто как организации, которые защищают, а как организации, привлекающие активных людей, не как «организации для всех», а как «организации каждого». И тут появилась идея, что необходима та самая пресловутая связка интеллигенции и рабочих, чтобы культурные и образованные люди могли для самих рабочих «подобрать слова», выразить терминологически их собственные требования и проблемы. Далее участники секции согласились в том, что необходимо строительство и развитие профсоюза на основе низовых

социальных действий. Никогда профсоюз, да и любая рабочая организация не будут по-настоящему сильны, если вся инициатива идет от кучки активистов, если нет поддержки от организации в целом, если нет коллективного действия. Единственный путь здесь, сказал Петр, – это осознанное членство. Каждому вступающему в профсоюз необходимо объяснять, что он приходит туда не просто за защитой, он вступает в профсоюз, чтобы вместе со всеми бороться за свои права. Необходимо осознание членами профсоюза сложности такой борьбы и отсутствия всякой гарантии победы, по крайней мере, отдельных случаях. Профсоюз, как правило, обещает защиту своим членам, но не всегда получается ее дать, и каждая неудача больно бьет по репутации профсоюза в глазах рабочих. Они должны понимать, что это не просто защита, это борьба, они сами себя должны защищать.

Кроме того, участники секции пришли к выводу, что неплохо бы опередить господина Прохорова и выступить с инициативой внесения поправок в Трудовой Кодекс в свою пользу, в пользу наемных работников. П. Принев упомянул в этой связи о своем собственном предложении внести поправки в закон о профсоюзе, опираясь на опыт зарубежных стран, например, Франции, Германии в строительстве и деятельности профсоюзов. Необходимо, как подчеркнул Петр, чтобы с работодателем вела переговоры не первичная организация, а большое объединение, называемое профсоюзом, организованное по от-

раслевому или территориальному принципу. Такое объединение дает возможность работникам в каждом конкретном социально-трудовом конфликте проявить общую солидарность, не подставляясь при этом перед работодателем. В этом случае члены большой, межотраслевой или региональной организации могут прийти на конкретное предприятие и предложить собственнику или руководителю вести переговоры на основании того, что на этом предприятии работает более половины членов профсоюза. Конечно, администрация или собственник могут отказаться от переговоров, но тогда профсоюз может мобилизовать своих членов и заблокировать работу предприятия на законных основаниях. Вот тогда будет эффективная борьба. А пока говорить, что 10 человек перевернут ситуацию на предприятии, это смешно. Это смешно, оговорился Принев, по отношению к «Форду», но «Форд» – сам по себе уникальный случай.

Петр Принев также сказал, что обсуждался и положительный опыт. Например, «Рот Фронт» – это объединение рабочих организаций с активом, который понимает, что нужно выходить за ворота своих предприятий. Не бывает сколько-нибудь сильного рабочего или профсоюзного движения в рамках одного предприятия. Во-вторых, это опыт МПРА по оргнаизингу. Однако, заметил П. Принев, как только исчезают деньги и сильная организация, опыт оргнаизинга превращается в хождение по мукам. Делать это на личной инициативе – это означает, что нужно забросить семью и питаться тем,

что подадут, словом, быть или сумасшедшим, или фанатиком.

И последняя проблема, которую особо подчеркнул выступающий, – это самоизоляция профсоюзов, устранение от социальных движений и актуальных социальных проблем. Необходимо разъяснять, что борьба должна вестись не только за размер заработной платы, но и за структуру расходов: сколько нужно отдать за обучение детей, за лечение, за жилье. А это уже зависит от социальной политики государства, от общей социальной ситуации. Разъяснение этого рядовым членам профсоюзов, по мнению П. Принева, может способствовать солидарности между профсоюзами и социальными движениями. В идеале они должны соединиться в одно, общее движение.

Из зала поступил вопрос о том, каким образом можно объяснить рабочим необходимость членства в профсоюзе и уплаты профсоюзных взносов, если постоянно констатируется отсутствие солидарности. Люди не всегда могут объединиться даже в рамках одного подъезда. Нет ли противоречия между констатацией пассивности масс и предложением агитировать их на сознательную борьбу?

Петр Принев ответил, что ситуация с заработной платой и трудовыми правами тяжелая, любому рабочему, обращающемуся в профсоюз и желающему вступить туда, это понятно. Можно также доходчиво разъяснить ему его права и обязанности. Тех же, кто не обращается, Петр предложил не трогать. Суще-

ствует, признал он, некая идеализация рабочего класса у левых. На одного сознательного, активного рабочего на предприятии приходится сотня тех, кому полностью и откровенно наплевать на свои права. И не нужно втягивать в движение таких, это бесполезно. Рабочие сами должны прийти к пониманию того, что пресмыкательство перед работодателем не только не достойно, но и не выгодно. Их должны убеждать успехи профсоюзов. А ходить и уговаривать человека вступать в профсоюз – это очень глупо. Не нужно гнаться за взносами, на этот 1% от заработной платы невозможно оформить даже реальную юридическую помощь. Все наши проблемы – от отсутствия осознанного членства. Вступая в профсоюз, человек идет не защищаться, он идет бороться, он идет наступать. Не нужно требовать сегодня сознательности от всех рабочих. Многие сегодня еще думают, что пока им еще что-то платят и не требуют денег за выход на работу, это все еще можно перетерпеть.

Но Приневу был задан из зала еще вопрос о том, каким образом профсоюз, в котором состоит 10% работающих на предприятии, поднял себе зарплату.

Петр Принев ответил, что один из способов, довольно действенный, по крайней мере, до 1 августа, – обращение в Гострудинспекцию. Ему возразили, что способ часто не работает, так как инспекция может «замылить» это обращение. П. Принев парировал это замечание, заявив, что действенность того или

иного способа зависит от актива. Если актив соберет жалобы с членов профсоюзов и начнет ходить в инспекцию, то, в конце концов, вода камень точит. Есть соответствующие примеры, члены профсоюзы авиадиспетчеров рассказывали о своем опыте на секции, Дмитрий Кожнев, оппонент Петра, подчеркнул, что результаты успеха профсоюза (повышение заработной платы, например) автоматически распространятся и на тех, кто не состоит в профсоюзе. И не захотят вступать в него, уверенные, что профсоюз добьется чего-нибудь и без их участия, а они смогут воспользоваться плодами победы. Ничего не нужно делать, не нужно вступать в конфликт с работодателем, платить взносы, а только пользоваться результатами чужих усилий. Принев настаивал на том, что пассивные члены, иждивенцы и так в профсоюзе не нужны. Оппонент частично признал его правоту, но подчеркнул, что такая позиция ведет к уменьшению членов профсоюзов и в перспективе – к ослаблению их. Не нужны профсоюзы, утверждал Принев, которые объединяют всех, всех объединить нельзя. Сила профсоюзов – в сознательном членстве. Именно поэтому нужно менять законодательство о профсоюзах, гнать из него поганой метлой первичные профсоюзные организации и завязываться либо на отрасли, либо на территории.

Дмитрий Кожнев отметил, что 10% сознательных членов профсоюза – это очень прилично, с этим можно гнуть работодателя в бараний рог. Этого достаточно, чтобы организовать итальянскую забаву

и парализовать предприятие напрочь. Есть проблема в том, что коллективный договор и, следовательно, все успехи профсоюза, распространяются на всех. Но, тем не менее, практика показывает, что можно создавать дееспособные организации, мобилизовать активных членов. Сейчас на «Фольксвагене», например, 680 членов профсоюза МПРА, которые платят деньги не смотря ни на что, которые готовы пойти на какие-то жертвы и лишения, они уже хорошо почувствовали значение солидарности.

Александра Запольская вынуждена была прекратить дискуссию, чтобы дать возможность выступить руководителю секции «Принципы антикризисной экономической программы: за что бороться?» – **Алексею Гусеву**.

Алексей Гусев подчеркнул, что дискуссия разворачивалась вокруг доклада Василия Колташова – продолжительного, обстоятельного, детального, касающегося, в первую очередь, природы и причины текущего кризиса, а также возможных прогнозов относительно перспектив развития кризиса и посткризисной ситуации. Доклад касался также перспектив развития кризиса в России и, соответственно, задач, которые стоят перед левыми. Нынешний кризис был охарактеризован Василием не просто как обычный циклический кризис, повторяющийся с периодичностью раз в восемьдесят лет, а как кризис системный, обозначающий неотвратимость и неизбежность смены социально-экономической модели, отказа от

неолиберального экономического курса. Главный вопрос, на который докладчик пытался ответить в своем выступлении, таков: есть ли выход из кризиса в рамках существующей неолиберальной экономической модели или выход лежит за пределами этой модели и в таком случае какой она должна быть, и какой может быть? Докладчик привел интересную аналогию с малоизученным кризисом 1810 – 1820 годов в Великобритании. Несмотря на технологический переворот, кризис затянулся, промышленность не имела сбыта, депрессия продолжалась довольно долго, и ключевым ее фактором было отсутствие спроса со стороны потребителя. Выход был найден только с открытием больших рынков в Латинской Америке. Можно провести некую аналогию с тем, что мы имеем сейчас. Докладчик меньше внимания уделял технологическим изменениям, которые могут ожидать капитализм в среднесрочной перспективе, а остановился на том, что он счел главным на сегодняшний момент, а именно на том, как создать потребителя. Докладчик утверждал, что неолиберальная модель не может дать ответа на этот вопрос. Единственно возможный выход из текущего кризиса связан с массовым движением трудящихся с ключевой ролью левых в этих движениях, с созданием и утверждением альтернативной экономической модели. Россия при сохранении неолиберальной модели еще долгое время будет завязана на экспортную, сырьевую модель, значение внутреннего рынка и внутреннего спроса будет уменьшаться. Будет падение

доходов, что усугубит социальный кризис. Была показана связь между денежной эмиссией, являющейся главным ответом на кризис всех неолиберальных правительств от Вашингтона до Москвы, и ростом цен на продовольствие. Докладчик доказал, что спекуляция продовольствием показывает политические пределы подобной антикризисной политики. Подтверждением этого тезиса являются, например, арабские революции. Продолжение неолиберальной практики реагировать на кризис денежной эмиссией приведет к обострению всех кризисных явлений и интенсификации тех кризисных, а вместе с тем и революционных процессов, которые мы наблюдаем несколько последних лет. Сама антикризисная программа, предложенная Колташовым, вызвала некоторые споры. Главный аргумент оппонентов – данная программа не является последовательно социалистической, не предполагает социалистической революции. Докладчик возражал, что речь сегодня идет не о социализме и социалистической программе, а о программе, соответствующей той революционной ситуации, которая возникает. Василий Колташов остановился на нескольких пунктах. Первое: рабочие должны требовать политики твердого рубля. Инфляция съедает их доходы, неподкрепленная ничем эмиссия не вредит капиталистам, защищающим свои капиталы, обращая их в валюту, но наносит непоправимый вред бюджету рабочего. Рабочие должны требовать изменения налоговой политики: отмены косвенных налогов, которые ложатся бременем на доходы рабочих,

введения налогов на роскошь, введения налогов на инвестиционную недвижимость, увеличения налогов на прибыль. Необходимы также требования реального сокращения рабочей недели, национализации крупных отраслей. В докладе отмечалась перспективность таможенного союза с Белоруссией и Казахстаном.

На секции обсуждались также вопросы, связанные с международной и политической ситуацией, в том числе ситуацией в Китае, роль этой страны в мировом кризисе.

После обсуждения итогов работы секций состоялась **презентация Центра Взаимопомощи Рабочих (ЦВР)**

Леонид Родин (организатор ЦВР) пояснил, что члены ЦВР хотели бы построить презентацию своей организации в виде заседания, подобного тем, которые они проводят два раза в месяц. Леонид Родин перечислил движения и организации, которые сотрудничают с ЦВР, но не представлены на презентации: РКСМб, ДСПА (Движение сопротивления имени Петра Алексеева), «Автономное действие», Профсоюз «Рубеж», «Союз жителей общежитий», «Защита Сиверского леса», Студенческое движение, «Свободные профсоюзы Санкт-Петербурга», которые помогают и деятельно, и финансово. Правовую поддержку оказывает правовой центр «Петербургская Эгида».

Идея создания ЦВР родилась два года назад. На первой встрече в сентябре 2009 года было только пять человек, первая инициативная группа ЦВР: представители профсоюзов «ПрофтЭК» и «Полиграф» Леонид Родин и Петр Принев, а также представители «Товарищества инициативных граждан России» (ТИГР) Дмитрий Клевцов, Вадим Титов и Дмитрий Можегов. Созданию и формулированию первоначальных задач ЦВР способствовало то, что в это время развивалось движение «гаражников», которому нужна была помощь. По словам Леонида Родина, небольшой фонд помощи у них был, и они начали работу. Так началась деятельность, которая для участников ЦВР неотделима от постоянного обучения практике социального сопротивления. «У нас опыта чуть побольше, чем у простых граждан, – сказал Леонид, – но мы постоянно учимся». В том же сентябре 2009 года к инициативной группе обратились товарищи из Жилкомсервиса № 2, которые хотели создать профсоюз для защиты своих трудовых прав.

Леонид Родин отметил, что Центр начался с работы над этими двумя проблемами. Началась работа, в ЦВР стали обращаться левые организации, предлагая помощь. ЦВР проводит заседания два раза в месяц, работает рассылка, в которой распространяется информация о проводимых и готовящихся акциях, обсуждаются текущие дела и проблемы.

Дмитрий Клевцов отметил, что в первую очередь их объединило

понимание необходимости защиты прав граждан и практическая деятельность в этом направлении. Сначала, сказал Дмитрий, было сформулировано определение ЦВР, которое до сих пор очень помогает в работе: «ЦВР – это неполитическая организация, в которую входят профсоюзы, различные движения и организации, и простые граждане». Это определение, принятое всеми, по мнению Д. Клевцова, обеспечило во многом успех дальнейшей работы, в ЦВР нет политических конфликтов и разногласий, все сосредоточено на реализации общих целей. Однако Дмитрий отметил, что постепенно к Центру стали присоединяться левые организации и признал, что ЦВР, не декларируя свою политическую позицию прямо, так или иначе становится левым. Инициативные группы, которые приходят в ЦВР, никакой политической обработке не подвергаются, они оформляются в процессе работы и формируют свои взгляды, в том числе и политические. Взаимопомощь, товарищество, взаимная поддержка, дружеские отношения, по словам Клевцова, являются стержнем ЦВР.

Степан Маленцов отметил, что Центр Взаимопомощи Рабочих возник не на пустом месте. Существовало взаимодействие между организациями, которые основали ЦВР, велась совместная работа. Существовали Комитет Солидарных Действий и Комитет Единых Действий Санкт-Петербурга, в рамках которых была возможность координировать работу различных групп и движений. Но Комитет Солидарных

Действий на момент создания ЦВР прекратил свою работу в результате ряда внутренних противоречий, а потребность в объединении и координации была настоятельной. Таким образом, для создания ЦВР существовала определенная почва: была потребность, были наработаны связи и опыт, было желание не повторять ошибок, совершенных предшествующими организациями.

Дмитрий Клевцов отметил, что ЦВР осуществляет взаимодействие, скорее, непосредственно между активистами, чем между организациями. Объединение активных, инициативных людей – залог успеха ЦВР. Центр работает на принципах демократии, утверждаются решения, принятые единогласно. Одним из основных принципов организации, подчеркнул Дмитрий, стал такой: «Не помогаешь – не мешай!». По сути ЦВР объединяет различные ресурсы входящих в него организаций: кадровые, информационные, материальные, технические и т.п.

Леонид Родин подтвердил слова Степана Маленцова о том, что ЦВР возник на определенной почве. И попросил рассказать о причинах и обстоятельствах вступления в ЦВР людей, присоединившихся к его работе спустя год после создания и работы в качестве самостоятельной организации – **Марию Медведеву, Ивана Овсянникова и Кирилла Васильева.**

Мария Медведева рассказала, что организация «Питерские родители» возникла на волне возмущения законом ФЗ-83, сокращающим право граждан на образование, грозящим

платным школьным образованием. Она напомнила, что последствия принятия закона почти не обсуждались в прессе, и необходимо было прорвать информационную блокаду, нарушить этот «заговор молчания». В Санкт-Петербурге, отметила М. Медведева, существует организация «Петербургские родители», но у нее другие цели, она занимается социально-правовыми вопросами, связанными с судьбой детей-отказников. Организация же «Питерские родители» занимается проблемами бесплатного образования, в первую очередь дошкольного и школьного.

Мария рассказала, что «Питерские родители» хотели в первую очередь привлечь внимание к готовящемуся к принятию закону ФЗ-83, для чего провели акцию 1 мая. Планируя всероссийскую акцию 15 мая, «Питерские родители» обратились к товарищам из «Левого фронта» для того, чтобы они помогли правильно написать заявление о митинге. Но возникли разногласия, поскольку «Левый фронт» заявил митинг на тот же день и место, по той же теме, только на час позже. Началось давление на организацию «Питерские родители» со стороны «Левого фронта», обвинения в намерении расколоть город. Помощь в урегулировании конфликта «Питерским родителям» предложили товарищи из ЦВР. Мария Медведева встретилась с Леонидом Родиным и Степаном Маленцовым и обсудила с ними возможные решения. Решено было использовать ситуацию на пользу целям социального протеста, были выпущены пресс-релизы, сооб-

щавшие, что 15 мая, с часу дня до пяти вечера пройдет марафон против ФЗ-83. На митинге «Питерских родителей» слово получили представители «Левого фронта», на митинге «Левого фронта» выступила Мария Медведева как руководитель движения «Питерские родители». Таким образом, подчеркнула Медведева, назревающая проблема, угрожающая деятельности и репутации обоих движений, была решена с помощью Леонида Родина. Так началась совместная работа. Огромное преимущество ЦВР перед другими организациями, предлагающими свою помощь общественным движениям, – отсутствие условий предоставления помощи, можно просто оказывать посильную помощь другим организациям, к которой никто не принуждает. Мария Медведева подчеркнула, что всем, желающим использовать опыт ЦВР и создать подобную организацию в своем регионе, нужно понимать, что взаимопомощь должна быть добровольной, принуждение, выдвигание условий предоставления поддержки недопустимы. На этом, заметила она, в Санкт-Петербурге погорели многие организации, пытающиеся координировать деятельность общественных движений.

Мария отметила, что работа в Центре заражает всех духом взаимопомощи, сотрудничества, дружбы.

Иван Овсянников заявил, что ЦВР сегодня является самой заметной организацией на поле социального протеста, еще не захваченном, с одной стороны, либералами, а с другой – КПРФ. ЦВР, по словам

Овсянникова, является наследником координационных советов, существовавших в Санкт-Петербурге и подобных тем, которые и сегодня существуют в других регионах. Однако ЦВР имеет и особую ценность. Эта ценность заключается в том, что активисты малочисленных инициативных групп, сосредоточенных, как правило, на решении локальных проблем, приходя в ЦВР, научаются сотрудничеству и взаимодействию, выходят на новый уровень работы. Это уже не борьба за частные сиюминутные интересы, а борьба за более общие принципы и более значимые права. Появляются универсальные активисты, готовые вписываться в любой социальный протест. Локальные инициативы не распадаются, добившись успеха в решении частного вопроса, или, напротив, потерпев неудачу, отчаявшись, а продолжают функционировать в рамках большой структуры, вливаясь в общий процесс социального протеста. Происходит воспроизводство социально-протестной активности, накопление опыта, как группового, так и индивидуального.

Собственное вступление в ЦВР Иван с юмором описал как случайное. Он работал в МПРА, в офисе которого собирался Центр, так что Овсянникову «волей не волей» пришлось присоединиться к работе. Став серьезным, Иван объяснил, что как член марксистской организации он не мог не использовать такую площадку для социальной активности.

Дмитрий Клевцов сравнил Центр Взаимопомощи Рабочих с бизнес-

инкубатором, куда люди приходят с определенной идеей, получая информационную и материальную поддержку. Аналогично, по словам Клевцова, происходит и в ЦВР. Приходит социальная группа с определенной проблемой и получает помощь и поддержку, необходимые ресурсы, знакомится с опытом других участников. При этом помощь каждой такой инициативе обогащает и других участников ЦВР, они все время приобретают новый социальный и протестный опыт, учатся работать в разных условиях и на разные цели.

По словам Кирилла Васильева Питер отличается тем, что в нем несколько раньше, чем в других регионах, стали появляться координационные структуры, объединяющие актив социальных, профсоюзных и политических организаций. Если в большинстве регионов такие координационные советы и комитеты – это порождение антимонетизационных протестов 2005, то питерский Комитет единых действий уже 1999 года объединяет различных субъектов социального творчества, различные организации и движения. ЦВР – самая успешная площадка, объединяющая социальные движения и инициативы, политические и профсоюзные организации, из тех, которые, как признался Кирилл, он может вспомнить за свой девятилетний опыт политической деятельности. Но есть, однако, по словам Васильева, серьезная проблема. Он заметил, что сложилась очень тонкая прослойка людей, на которых держится успешный проект под названием «Центр Взаимопомощи

Рабочих». Случись сегодня что-нибудь с этими людьми, и все усилия пойдут прахом.

Свой приход в ЦВР Кирилл подал как совершенно естественный. Раз в городе появилась успешная площадка, объединяющая социальные и профсоюзные движения, сказал он, левые просто обязаны к ней присоединиться. Непосредственно с товарищами из ЦВР Кирилл познакомился в 2010 году во время кампании против Ф3-83. Первым совместным проектом ЦВР и Федерации Социалистической Молодежи стал летний лагерь для активистов – единственный в России, как отметил К. Васильев, лагерь, который организовывался усилиями не только левых организаций.

Григорий Касьянов выступил от имени инициативной группы «Защитники Сиверского леса». Он сказал, что не является радикальным экологом и то, что он занялся проблемой вырубке леса, это во многом воля случая, просто он живет недалеко от Сиверской. Таким образом это, подчеркнул Григорий, стало и его личной проблемой, и он посчитал своим долгом сделать все возможное, чтобы спасти этот лесной массив. Григорий кратко рассказал историю леса и борьбы за его сохранение. Он подчеркнул, что вокруг леса осуществлялись махинации с правом собственности, при этом есть документы, подтверждающие статус этой территории как историко-культурного наследия и статус особо охраняемой природной территории. Тем не менее, с февраля, а особенно активно с мар-

та 2011 года ведется вырубка и застройка этой территории. На сегодняшний момент усилиями местных активистов (активно действуют, по словам Касьянова, не более 5 человек) вырубку удалось остановить, строительство ведется вяло и осторожно, собственники территории побаиваются общественного мнения. Однако как только усилия активистов и, соответственно, внимания общественности ослабнут, считает Касьянов, строительство и вырубка возобновятся с новой силой.

Леонид Родин коснулся вопроса о взаимоотношении ЦВР с левыми партиями и организациями и о взаимоотношении левых между собой. Он напомнил, что два года назад распалась КСД – структура, помогающая профсоюзам. В основе ее работы был избирательный подход к сотрудничеству с левыми партиями и организациями. С одними они по идейным соображениям были готовы работать, с другими – нет. В результате внутренние противоречия организации обострились, и она распалась. Распалась организация, помогающая профсоюзам, подчеркнул Леонид, из-за идейных разногласий питерские профсоюзы лишились поддержки.

Л. Родин отметил, что в процессе создания Центра и совместной работы в его рамках разных организаций сложился стиль взаимодействия, который и ему, и другим участникам процесса очень импонирует. Это, прежде всего, открытость всех сотрудничающих в рамках Центра организаций, готовность помочь, понимание приоритетности

общих целей. Родин считает, что в рамках ЦВР в определенной степени преодолевается проблема российских левых организаций, когда «каждый сидит в своем огороде». Происходит заметное движение к налаживанию сотрудничества, конструктивного диалога между различными левыми организациями, сотрудничающими в рамках ЦВР. Это может, сказал Леонид Родин, в дальнейшем способствовать если не поголовному объединению всех левых организаций, то, по крайней мере, конструктивной совместной работе на постоянной основе.

Дмитрий Клевцов и Иван Овсянников подчеркнули специально, что ЦВР является хорошим подспорьем для профсоюзов Санкт-Петербурга. Д. Клевцов заметил, что у отдельного профсоюза зачастую не хватает сил для того, чтобы решить свою частную проблему, потому что она связана с более общей. Это может быть не только проблема конкретной территории или предприятия, а города, региона, отрасли. В рамках ЦВР есть возможность выйти на более высокий уровень решения проблемы. Объединение ресурсов и опыта, подключение организаций, занимающихся различными аспектами одной и той же проблематики, позволяет справиться не только с локальной бедой, но и с проблемой большего масштаба. И. Овсянников отметил, что большой проблемой профсоюзов является их замкнутость, отсутствие общественной среды, которая активно бы их поддерживала. Профсоюзы же не смогут эффективно работать, если вокруг них не будет

складываться общественной среды, которая бы их поддерживала, если они, в свою очередь, не будут поддерживать социальные движения. ЦВР представляет собой путь к решению этой проблемы.

В заключение презентации Леонид Родин предостерег собравшихся от того, чтобы они сочли деятельность ЦВР абсолютно и безоблачно успешной, лишённой напряжения. Это – иллюзии. Работа была очень тяжелая, в том числе и эмоционально, нужно было находить компромиссы, притираться характерами. Он также предложил помощь ЦВР в создании подобной организации в любом другом регионе. И, наконец, он поблагодарил ИГСО и лично Бориса Кагарлицкого, который за последние полгода внес огромный вклад в развитие ЦВР.

На заключительной секции конференции состоялось обсуждение ее итогов,

представленных собравшимися **Анной Очкиной и Борисом Кагарлицким.**

Анна Очкина сказала, что итоговый документ представляет собой не политическую декларацию, а скорее рамочную программу для дальнейшей работы, обобщающую результаты обсуждения различных вопросов за два дня конференции.

Борис Кагарлицкий зачитал проект итогового документа конференции:

«Непреодолимость экономического кризиса в рамках неолиберальной модели при одновременном отсутствии публичных и политических альтернатив приводит к тому, что структурные противоречия правительства пытаются «снять» за счет одновременного массивного вливания денег в экономику и сокращения социальных расходов, причем речь идет о реструктурировании остатков социального государства на основе неолиберальной концепции. Эта политика ведет к снижению эффективности государственного вмешательства, падению покупательной способности денег, снижению жизненного уровня трудящихся, качества образования, здравоохранения и дезорганизации социального сектора в целом. На этом фоне возвращение экономического спада выглядит более чем вероятным, со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

В сложившейся ситуации принципиальное значение приобретает не только сопротивление антисоциальным мерам властей (ФЗ-83, ФГОС и т.д.), но и формирование новой общественной повестки дня, направленной на разрыв с неолиберализмом и поворот к новому социальному государству. Этот поворот потребует не только прекращения разрушительных мер в области образования и здравоохранения, но и расширения государственного присутствия в экономике, включая, возможно, национализацию энергетического сектора и сырьевых монополий. Трудящимся нужна политика, ориентированная на укрепление

рубля, прекращение щедрой финансовой помощи бизнесу, перераспределение средств в социальный сектор, меры, направленные на стимулирование внутреннего рынка, налоговая реформа, переносщая нагрузку на наиболее богатые слои населения.

Попытки обеспечить единство левых за счет механического соединения групп в одну партию нельзя считать перспективной стратегией, хотя любые усилия, направленные на достижение единства, должны приветствоваться. При этом тактическая и техническая координация должна быть дополнена политической — общей работой, направленной на совместно определяемые приоритетные направления, такие как социально-трудовые права, защита образования, здравоохранения и жилищных прав.

Объединение и консолидация левых будет происходить в процессе создания широкой коалиции в защиту социальных прав. Эта коалиция, не обязательно формируемая под последовательными и «чистыми» левыми лозунгами, однако, невозможна без решающего участия левых в формировании её программы и стратегии.

В социальных движениях мы должны видеть не только средство для решения локальных проблем и «политику малых дел», но и механизм для формирования культуры солидарности и развития гражданского самосознания.

Принципиальное значение в этом смысле имеет опыт Петербургского Центра взаимопомощи рабочих (ЦВР), являющегося примером де-

мократической координации деятельности левых активистов, членов свободных профсоюзов и социальных движений самого разного профиля. Самым слабым местом социальных движений является отсутствие механизмов контроля за выполнение соглашений с властями в тех случаях, если последние идут на уступку. При этом необходимо усилить взаимодействие активистских объединений с левым экспертным

сообществом и наладить медиаработу, как с традиционными СМИ, так с помощью социальных сетей и новых коммуникационных сред.

После короткой дискуссии этот текст был признан в качестве итогового документа конференции.

*Обзор подготовлен
Анной Очкиной*